

Санкт-Петербургский государственный университет

САНИНА Маргарита Александровна

Выпускная квалификационная работа

Общество потребления в римской сатире

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5804. «Классическая филология и античная традиция в мировой культуре»

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
Егорова Софья Кондратьевна

Рецензент:
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
России и зарубежных стран
Историко-филологического
факультета Челябинского
государственного университета,
Скворцов Антон Михайлович

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Возникновение феномена «общество потребления».....	6
Глава 2. «Общество потребления» как результат раннего и зрелого капитализма.....	16
Глава 3. Потребительское общество в Древнем Риме.....	27
Глава 4. Формирование сатиры как жанра.....	39
Глава 5. «Смеющаяся» сатира Горация.....	47
Глава 6. «Бичующая» сатира Ювенала.....	65
Заключение.....	81
Список литературы.....	82

Введение

«Общество потребления» – это термин, введенный для обозначения общества, возникшего в конце XIX начале XX вв. в результате социальных, экономических, а также культурных явлений, которые окончательно стабилизировались в развитых странах во второй половине XX века. Впервые термин «общество потребления» ввел немецкий социальный психолог, философ и психоаналитик Эрих Фромм. Популярность этого понятия связана с работой «Общество потребления» французского социолога и культуролога Ж. Бодрийяра. «Общество потребления» существовало как в Новое время, так и в Древнем Риме, у которого есть много схожих черт благодаря раннему и зрелому капитализму. Так, «общество потребления» неоднократно описывалось в римское время поэтами, писавшими в жанре сатиры (прежде всего – Горацием и Ювеналом). Именно сатира дала возможность писать про римское общество как ориентированное на потребление и получение чувственных удовольствий. Предметом настоящего исследования стало «общество потребления» с точки зрения того, как его описывали в жанре сатиры древнеримские поэты.

Цель исследования, проводимого на материале текста сатириков, – провести параллели между древнеримским и современным обществом в области потребительского поведения и выделить в описании римского общества те черты, которые подходили бы под современное описание «общества потребления».

Для достижения этой цели были поставлены несколько задач: дать обзор экономическим процессам, приведших к т.н. раннему капитализму; соотнести их с описанием в художественных текстах, рассматриваемых в работе; проследить описания потребительского поведения в произведениях сатириков на протяжении нескольких веков (от периода раннего принципата в сатирах Горация до времен империи при жизни Ювенала) и выявить хронологические

закономерности как в сфере литературоведческих особенностей произведений, так и объективных данных по экономике этих периодов.

Отправной точкой для исследования послужила литература выдающихся мыслителей XIX–XX вв., писавших про «общество потребления» – испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, немецкий социолог Э. Фромм, американский экономист Т. Веблен и др. В своих работах Э. Гидденс, П. Стирнс, Д. Миллер, Ф. Джеймсон, В. Бек, М. Фезерстоун рассматривали потребительский стиль жизни человека. Ж. Бодрийяр и Р. Бококв поднимали проблему социологии потребления. К аналогичной проблеме обращались В.И. Ильин, В.В. Радаев, Я.М. Рощина. Подробно раскрывают тему раннего и зрелого капитализма в своих работах немецкий историк Э. Мейер («Экономическое развитие древнего мира» и «Рабство в древности»), немецкий экономист К. Каутский в «Происхождение христианства» и В. Зомбарт в «Буржуа», «Евреи и хозяйственная жизнь», а также российский ученый и экономист В.Ю. Катасонов в работе «От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному Капитализму».

В области биографий и творчества поэтов-сатириков одним из основных источников послужили исследования В.С. Дурова: в своей работе «Жанр сатиры в римской литературе» он подробно описывает творчество Горация и Ювенала. Также материалом послужили сборники сатир древнеримских поэтов: собрание сочинений Квинта Горация Флакка в переводе М. Дмитриева и сборник сатир Децима Юния Ювенала в переводе Д. С. Недовича (сатиры 1–8) и Ф. А. Петровского (сатиры 9–16). Работа велась как с использованием бумажных носителей, так и с привлечением электронных источников.

Исследование обладает новизной, поскольку предлагает обзор и анализ древнеримский сатир через призму феномена «общества потребления», возникшего лишь в XX в. Работа представляется актуальной, так как ее предмет находится на пресечении изучения социологии и филологии.

Настоящая работа имеет следующую структуру. За введением следует теоретическая часть, посвященная обществу потребления в римской сатире.

Она состоит из шести глав. В первой – дается краткое объяснение появления общества потребления, ее основные особенности и функции. Во второй – сравнение раннего капитализма и зрелого капитализма через понятие «потребление». В третьей – раскрывается тема потребления в римском обществе. В четвертой – объясняется появление жанра «сатира» и его основные особенности. Практическая часть состоит из двух глав, в каждой из которых дается анализ древнеримских сатир. В первой – анализируем творчество Горация и его сатиры через призму «общества потребления». Во второй – так же проводим анализ творчества Ювенала. Исследование завершается общим заключением и списком литературы.

Глава 1. Возникновение феномена «общество потребления»

Начиная с XX века, изучение потребления как особого социального феномена становится весьма актуальным для всех общественных наук.

Потребление – миф современного общества, выраженный в его отношении к самому себе, то есть в том, как наше общество говорит о себе. По мнению Ж. Бодрийера, единственной объективной реальностью потребления является идея потребления, рефлексивно-дискурсивная конфигурация, бесконечно воспроизводимая через повседневный и интеллектуальный дискурс, которая обрела значение здравого смысла. «Наше общество мыслит о себе и говорит о себе как об обществе потребления. По крайней мере, поскольку оно потребляет, оно потребляет себя в качестве общества потребления» [Бодрийер 2006, 162].

На данный момент, огромное количества современных государств устроены так, что для поддержания своего благополучия человек должен не только много работать, но и много потреблять. Роль потребителя отличается от роли социального субъекта и становится в значительной степени доминирующей. Идентичность, статус и социальная интеграция достигаются через участие в потребительской деятельности. Массовое потребление действительно становится важной частью общественной и частной жизни. Потребительские ценности усваиваются не только теми, кто имеет возможность потреблять много и хорошо, но и всем остальным обществом. Хорошая жизнь связана ассоциируется с обильным потреблением. Участие в потребительской деятельности придает смысл жизни людей. С ростом материального благосостояния в обществе происходит удовлетворение базовых потребностей, в следствии чего идет переход к искусственным потребностям и культурным желаниям.

Сверхтруд, доход и престижное приобретение образуют свой особый круг потребления, который основан на восхвалении так называемых «психологических» потребностей, которые сами по себе отличаются от

«физиологических» потребностей тем, что созданы на «произвольном доходе», свободе выбора, а потому подвержены к манипуляции.

Структура личности человека «потребляющего» смещается по шкале «производство – потребление» в сторону потребления. Поэтому, его главное желание – это потреблять, совершенно не задумываясь о производстве. Преобладание людей с похожей структурой личности позволяет нам говорить об обществе потребления.

Так возникает термин «общество потребления», определивший новый этап в развитии индустриального общества с государственными монополиями. Эта фаза характеризовалась ростом благосостояния населения и зависимостью жизни человека и страны от потребления как можно большего количества товаров.

Определение «общество потребления» связано с социальным, экономическим, а также культурным явлением, окончательно стабилизировавшимся в развитых странах во второй половине XX века. Популярность этого понятия связана с работой французского социолога и культуролога Ж. Бодрийяра «Общество потребления».

В следствии чего, «дискурс» о потреблении пытается сделать из потребителя универсального человека, всеохватывающим и идеальным, представляющий собой окончательное воплощение человеческого рода, а потребление – предпосылкой «человеческого освобождения», которое должно было бы произойти вместо освобождения социального и политического. Но, как и потребительская свобода, так и суверенитет – это всего лишь некий обман, своего рода мистификация. Все это демонстрирует собой хорошо поддерживаемую мистику индивидуального удовлетворения и индивидуального выбора, где вся цивилизация «свободы» достигает своего высшего выражения, становясь, таким образом, даже идеологией всей индустриальной системы, оправдывающей произвол и коллективные недостатки.

Чем больше «свободного» человека загоняют в рамки, тем больше возможностей он находит для приобретения того или иного товара, продукта. Таким образом, обеспечивается выбор в необходимой покупке товара без каких-либо очевидных затрат на продукт.

Основной формой свободы в потребительском обществе признается свобода потребительского выбора. Здесь царит демократия потребителей. Однако, как и политическая демократия, она не исключает, а даже предполагает развитие механизмов манипулирования «свободным» человеком. Свобода включает в себя две составляющие: широту доступного ассортимента и возможность платить, что позволяет «потреблять не только блеск витрин» [Бодрийяр 2006, 102].

Если прежде для рядового человека жить означало терпеть лишения, опасности, запреты и гнет, то сегодня он чувствует себя уверенно и независимо в распахнутом мире практически безграничных возможностей. Это ощущение главенствует, оно становится внутренним голосом. И если прежде этот голос «привычно твердил: «Жить – это чувствовать себя стесненным и поэтому считаться с тем, что стесняется», – то теперь он торжествует: «Жить – это не чувствовать никаких ограничений и поэтому смело полагаться на себя; все практически дозволено, ничто не грозит расплатой, и вообще никто не выше» [Ортега-и-Гассет 2001, 60].

В результате этого потребление превращается в мощный элемент социального контроля, что влечет за собой необходимость все более сильного бюрократического принуждения по отношению к процессам потребления, которые тогда будут более активно и усердно прославляться как некое царство свободы.

Потребление представляет собой активное и коллективное поведение, это является принуждением, моралью, институтом. Оно охватывает всю систему ценностей совместно с ее функцией массовой интеграции и общественного контроля. Общество потребления – это также общество социального обучения потреблению, то есть как метода новой и специфичной

социализации каждого отдельного индивида общества в целом, появившегося как результат назревания новых производительных сил, а еще в связи с монополистическим переустройством анемической системы с высочайшей производительностью.

Обучение потреблению становится на Западе частью социализации новых поколений населения. Естественно, что для обеспечения непрерывного процесса потребления необходимо было наличие соответствующей ему финансовой базы. Доходы от трудовой деятельности зачастую не могли обеспечивать необходимый уровень потребления в условиях стремления к зажиточной жизни, а тем более – к роскоши. Для удовлетворения потребностей в наиболее дорогостоящих товарах, а также для обеспечения текущего потребления и его непрерывности стал использоваться такой экономический инструмент, как кредит.

Он и становится частью социально-экономической «дрессировки» потребителя. Действительно, кредитная система создавала все условия для отказа от таких традиционных свойств экономического человека, как бережливость и экономность. Получая легкий доступ к изобилию, – человек освобождался от табу бережливости. Поэтому после Первой мировой войны, в США была изобретена формула – «Реклама плюс кредит равны процветанию навсегда». Две трети автомобилей были проданы в кредит, но продажа в кредит – это долги, а заработная плата росла медленнее, чем темпы роста производства и инфляции. Ж. Бодрийяр рассматривал кредит как одно из главных условий возникновения общества потребления, интерпретируя кредит как «дисциплинированный процесс вымогательства сбережений и регулирования спроса» [Бодрийяр 2006, 111].

Как результат, общество превратилось в общество покупателей и потребителей. Со всех сторон предложения сыпались на людей. Более того, продавцы предлагали покупателям покупать все сразу, а потом платить. Производитель мебели даже изобрел блестящую формулу для молодоженов – «Найди невесту, и мы обустроим твой дом». Радио, фонограф, механическое

пианино, костюм, шторы – они были доставлены немедленно, а оплатить покупку можно было в течение месяца, года или двух.

Индивид рассматривает покупку товаров в кредит как результат магической функциональности общества, способного немедленно реализовать все желания. Кредитная система, таким образом, делает человека безответственным перед самим собой, поэтому покупатель перестает видеть в себе плательщика. Система со временем порождает эти категории, заставляя человека все больше потреблять.

Таким образом, культура накопления окончательно уходит в прошлое. Деньги, как только они появляются, сразу же идут на покупку товаров в кредит. Система массового потребительского кредитования становится основой новой формы общественного контроля, более эффективной, чем репрессивные инструменты. Когда дом, автомобиль или мебель приобретаются в кредит, благополучие семьи очень сильно зависит от стабильности рабочего места.

Бодрийяр пишет, что в «мистике равенства понятие «потребность» обретает своего рода единство с понятием «благополучие». Он пишет, что потребности «очерчивают успокаивающую вселенную целей, и эта натуралистическая антропология обосновывает обещание всеобщего равенства. Скрытый тезис таков: все люди равны перед потребностью и перед принципом удовольствия, ибо все равны перед потребительной ценностью вещей и благ (в то время как они не равны и разделены перед лицом меновой стоимости). Раз потребность поставлена в соотношение с потребительной ценностью, то существует отношение объективной полезности или естественной финальности, для которой нет социального или исторического неравенства» [Бодрийяр 2006, 50].

Таким образом, «взаимодополняющие» мифы о благополучии и потребностях берут на себя мощную идеологическую функцию размывания, устранения объективных социально-исторических различий и неравенств. Внушить народу, что независимо от материального благополучия человека,

все равны перед необходимостью, создав тем самым благоприятные условия для того, чтобы человек всего добивался ради удовольствия, приобретал все, что хочет. В связи с этим «бешенный эгоизм» потребителя, несмотря на весь пафос изобилия и благополучия, есть еще и грубое подсознательное ощущение, что он предстает как вновь эксплуатируемое существо нашего времени.

Из этого получается, что потребление «устраняет социальную опасность не тем, что погружает индивидов в комфорт, удовольствия и высокий уровень жизни, а тем, что подчиняет их неосознанной дисциплине кодекса и состязательной кооперации на уровне этого кодекса, причем не с помощью создания большей легкости жизни, а, напротив, заставляя людей принять правила игры. Именно таким образом потребление может заменить собой все идеологии и полностью взять на себя ответственность за интеграцию любого общества» [Бодрийяр 2006, 85].

На основе данного суждения можно сделать вывод, подтверждающий постулат о «конце социального». Таким образом, люди больше не различаются ни по социальному происхождению, ни по положению. Знаки, которые они потребляют, делаются почвой их дифференциации. Более того, потребляя конкретные знаки, мы становимся похожими на тех, кто употребляет подобные знаки, и, напротив, мы становимся отличительными от тех людей, которые эти знаки не потребляют.

Таким образом, Бодрийяр пишет: «Современный человек (...) должен постоянно заботиться о мобилизации всех своих возможностей, всех своих потребительских способностей. Если он об этом забывает, ему любезно и настоятельно напомнят, что он не имеет права не быть счастливым. Неправда, значит, что он пассивен: он развивает, он должен развивать постоянную активность. Иначе он рискует удовлетвориться тем, что имеет, и стать асоциальным» [Бодрийяр 2006, 74].

Критерии стратификации общества потребления теперь следуют по линии обладания и необладания тем или иным продуктом. Позиция престижа

и уважения в массовом сознании зависит не от их фактического статуса и социального поведения, а от способности владеть набором товаров и услуг. Товарное обладание начинает создавать некую иллюзию человеческого успеха. Любой желающий может пойти в магазин и купить в кредит дорогую машину или роскошный костюм, поэтому в массовом сознании он будет представлять человека, занимающего соответствующий статус, хотя на самом деле все это будет куплено в долгосрочный кредит, а показатель его социального статуса будет являться низким.

Потребление представляется одной из форм обладания, и, возможно, в индустриальных обществах, характеризующихся «перепроизводством», оно является самой важной формой обладания. Потребление обладает противоречивыми свойствами: с одной стороны, оно уменьшает чувство страха и беспокойства, поскольку того, что стало уже моим, у меня не отнять, но, с другой стороны, это заставляет меня приобретать все больше и больше, поскольку каждая покупка вскоре становится все более неудовлетворительной. Таким образом, «современные потребители могут определить себя по следующей формуле: я есть то, что у меня есть, и то, что я потребляю» [Фромм 2019, 47].

Эрих Фромм в работе «Иметь или быть?» пишет, что «модус обладания, являющийся доминирующим в западном индустриальном обществе, характеризуется стремлением сделать всю окружающую действительность объектом обладания, превратить в свою собственность. Отсюда, бесконечное стремление в погоне за деньгами как одному из самых быстрых и доступных способов увеличения количества того, чем можно владеть. Установка обладания, таким образом, не ограничивается только сферой материального, объектом вожделения может стать абсолютно все: дела, мысли, слава, знания, общественное мнение и т.п.» [Фромм 2019, 88].

Обладание, таким образом, кажется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы должны иметь ряд вещей, а для того, чтобы использовать их, вы должны сначала купить их. По мнению Эриха Фромма в

обществе, где высшей целью является «иметь» и при этом «иметь» как можно больше, где человек «стоит миллион» – какая может существовать полярность между «иметь» и «быть»? Наоборот, кажется, что сущность и смысл бытия состоит в том, чтобы чем-то обладать. «То есть кто ничего не имеет, тот ничего собой не представляет (тот и не существует)» [Фромм 2019, 27].

Социальные нормы, согласно которым функционирует общество, определяют и характер членов этого общества – «социальный характер». В нашем обществе такой нормой является стремление к приобретению, сохранению и преумножению собственности, то есть к получению прибыли. И именно поэтому богатые становятся своеобразным объектом восхищения и зависти как существа более высокого порядка.

Особую часть занимает система организации ажиотажа вокруг престижных интересов, потребностей и образа жизни, имитация образцов элитных товаров в серийных моделях. Процесс приобретения престижных товаров становится самоцелью. Это условие порождает манипуляцию сознанием массового потребителя, которому предлагаются образы товаров, услуг, политических деятелей и выражается мысль о необходимости их использования.

И здесь проявляется одна из особенностей «человека потребляющего» – его стремление к демонстративному потреблению, которое становится культурной нормой. Время, товары и ресурсы становятся средством поддержания социальной репутации, а также повышения социального статуса. В своей работе «Теория праздного класса» Т. Веблен определяет демонстративное потребление как «использование потребления для доказательства обладания богатством», потребление как «средство поддержания репутации» [Веблен 1984, 142].

Стремление к демонстративному потреблению, вероятно, основано на потребности принадлежать к группе богатых и влиятельных. Будучи, например, неудовлетворенной, эта потребность у части людей может вызывать чувство тревоги.

«Любое демонстративное потребление, ставшее обычаем, не остается без внимания ни в каких слоях общества, даже самых бедных. Люди будут выносить крайнюю нищету и неудобства, прежде чем расстанутся с последней претензией на денежную благопристойность» [Веблен 1984, 120]. Даже в тех странах, в которых экономическое положение населения не позволяет свободно приобретать рекламируемые товары, люди все равно стремятся к их приобретению через кредитную систему. Это вызвано постоянной потребностью индивида в общении, в обособлении себя в обществе и культурной деятельности.

Увеличение темпов демонстративного потребления ведет к увеличению расходов, в этом кроется расточительный способ потребления, или, другими словами, «расточительство». Особенности избыточности и расточительности прослеживаются в феномене «роскоши». В своей работе «Роскошь и капитализм» Зомбарт Вернер определяет роскошь как потерю, выходящую за рамки необходимого, при условии, что человек знает, что является необходимым [Зомбарт 2008, 88].

Среди причин появления феномена «роскоши» Зомбарт акцентирует внимание на «индивидуалистической причине», то есть попытка окружения себя «бесполезной мишурой». Это и есть побудительная причина тщеславия, желания превзойти другого во всем. В. Зомбарт также выделяет количественную и качественную организации роскоши. Для первой является характерным использование большого количества продуктов сразу, для второй – использование только лучших продуктов.

Бодрийяр писал: «Повсюду роскошное расточительство, великолепное расточительство, представленное на первом плане в СМИ, но оно только повторяет на культурном уровне расточительство гораздо более фундаментальное и систематическое, включенное непосредственно в экономические процессы, расточительство функциональное и бюрократическое, осуществленное производством в то же самое время, в какое изготавливаются материальные блага, материализованное в них и,

значит, обязательно потребленное как одно из качеств и измерений объекта потребления: их хрупкости, их подсчитанного устаревания, их обреченности на эфемерность» [Бодрийяр 2006, 48]. В любом случае, именно существование роскоши определяет богатство общества, как и его социальную структуру, потому что всегда существует достояние привилегированного меньшинства и потому что именно это существование роскоши работает над воспроизводством привилегии касты или класса.

Увеличение досуга в период индустриализации привело к трансформации досуговой деятельности, которая занимала один из важнейших сегментов экономики в конце XX – начале XXI века. Так называемая индустрия досуга и развлечений стала частью повседневной жизни, оказывая значительное влияние на состояние самого общества. Более того, мировой рынок индустрии развлечений, формирующийся в условиях глобализации, начинает приносить огромные прибыли и собирать миллиарды долларов. Этот глобальный характер поменял характер потребления и сотворил так называемое «общество потребления» в глобальном масштабе через открытые глобальные информационные каналы.

К индустрии досуга и развлечений традиционно относятся киноиндустрия, шоу и программы, спортивно-развлекательные мероприятия, музыкальные фестивали, дискотеки, боулинг-клубы, бильярд, аквапарки, аттракционы, ночные клубы, а также интернет, телевидение и другие каналы для распространения информации.

Таким образом, «общество потребления» – это органический синтез механизмов производства не только товаров и услуг, но и желаний, потребностей, интересов, политических механизмов, обеспечивающих их реализацию. Такое общество, представляет собой общество самообмана, в котором невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является результатом тщательно замаскированного дефицита, который имеет значение структурного закона выживания современного мира.

Глава 2. «Общество потребления» как результат раннего и зрелого капитализма

Все это является результатом благодаря сложившейся социально-экономической системы в конце XIX в начале XX вв. «Общество потребления» возникает как логический результат этого развития – развития капитализма. При этом, экономический и технический прогресс делает это возможным, но он не сводится к экономике. В следствии чего, современные технологии производства потребительских товаров позволяют основам этого общества развиваться в условиях «незрелого» капитализма. «Общество потребления – это органический синтез механизмов производства не только товаров и услуг, но и желаний, потребностей, интересов, политических механизмов, обеспечивающих их реализацию» [Зомбарт 2008, 247].

Таким образом, капитализм представляет собой экономическую систему, которая начиная с конца XIX в. стала доминирующей в западных странах. Несмотря на серьезные изменения, которые совершились в этой системе, некоторые черты сохранялись на протяжении всей истории. Именно эти общие черты дают правомерное основание для применения понятия «капитализм» к экономической системе, существовавшей на протяжении рассматриваемого периода.

Вкратце эти общие черты сводятся к следующему: 1) наличие политически и юридически свободных людей; 2) продажа этими свободными людьми (рабочими и служащими) своей рабочей силы на рынке труда собственнику капитала – по договору; 3) существовании товарного рынка как механизма, который определяет цены и регулирует обмен общественного продукта; 4) принцип, по которому действует каждый индивид, стремясь получить личную выгоду, потому что считается, что конкуренция должна приносить максимальную пользу всем.

Живой человек со своими желаниями и заботами все больше лишается центрального места в системе, и это место занимают бизнес и производство. И в конечном итоге, в области экономики человек перестает быть «мерой всех

вещей». Беспощадная эксплуатация рабочего стала самой характерной чертой капитализма в XIX веке. В следствии чего, наличие сотен тысяч рабочих на грани голодной смерти считалось естественным или приписывалось к социальной закономерности. Владелец капитала, который гнался за прибылью, максимально эксплуатировал нанятую им рабочую силу, считался морально правым. Едва ли существовало какое-либо чувство человеческой солидарности между владельцем капитала и его рабочими. Из чего следует, что закон экономических «джунглей» был превыше всего. Все сдерживающие представления прошлых веков были забыты. Шла битва за покупателя, все пытались избежать конкуренции, снижая цены. «Конкурентная борьба против равных себе столь же жестока и беспощадна, как и эксплуатация рабочего» [Фромм 2019, 117].

Делая анализ современного капитализма, можно сказать больше об этой стороне человеческого бессилия. Здесь, однако, следует несколько подробнее остановиться на значении современного рынка как основного механизма распределения общественного продукта, так как рынок является основой устройства человеческих отношений в капиталистическом обществе.

Экономическое функционирование рынка основано на конкуренции многих людей, которые должны продавать свои товары так же, как свою рабочую силу или услуги на рынках труда. Экономическая необходимость конкуренции привела к установке на усиление соперничества, особенно это проявилось во второй половине XIX в. Человеком двигало желание победить своего конкурента и именно это коренным образом изменило отношение, характеризовавшее феодальный период, когда каждый занимал свое традиционное место в социальной структуре, которым приходилось довольствоваться. В противовес социальной неподвижности средневекового строя в обществе развернулась невиданная мобильность, так как каждый боролся за лучшие места, несмотря на то, что занять их было суждено лишь немногим. В этой борьбе за успех рухнули социальные и моральные нормы

человеческой солидарности. В следствии чего, смысл жизни свелся к желанию быть первым в соревновательной гонке.

Еще одна составляющая капиталистического способа производства: в этой системе всякая экономическая деятельность преследует только одну цель – получение прибыли. Здесь проблема состоит в том, чтобы выяснить, что побуждает нас производить: не общественное благо, не удовлетворение процесса труда, а прибыль, получаемая от вложения капитала. Капиталист совершенно не должен интересоваться полезностью своих продуктов для потребителя.

По этой причине, можно сделать вывод, что капитализм XIX в. был настоящим частным капитализмом. Люди искали новые возможности, цеплялись за них, занимались экономической деятельностью, осваивали новые методы, приобретали собственность как для производства, так и для потребления, короче говоря, наслаждались своей собственностью.

Нетрудно заметить, что в XVIII и XIX столетиях, когда ориентация на накопление соответствовала потребностям экономического прогресса, преобладали положительные стороны, а в XX в., когда эти черты были уже устаревшими характеристиками отжившего класса, стало видно их только отрицательные черты.

Крах традиционного принципа человеческой солидарности привел к новым формам эксплуатации. В феодальном обществе считалось, что господин имеет священное право требовать услуг от любого подвластного ему, но в то же время он сам был связан обычаями, а также обязан был нести ответственность за своих подчиненных, защищать и, хотя бы, минимально обеспечивать им уровень жизни. В итоге, феодальная эксплуатация существовала в системе взаимных обязательств между людьми, которые способствовали их регулированию с помощью определенных ограничений.

Эксплуатация, получившая развитие в XIX веке, оказалась принципиально иной. Рабочий, или, вернее, его труд, стал предназначенным для собственника капитала товаром, в сущности ничем не отличающимся от

всякого другого товара на рынке. в то время, как покупатель наилучшим образом использовал способности работника. А поскольку он был куплен по справедливой цене на рынке труда, то взаимность или какие-либо обязательства со стороны владельца капитала не имели никакого смысла, кроме выплаты заработной платы. И если сотни тысяч рабочих остались без работы, на грани голодной смерти, то это произошло из-за их невезения, из-за их неспособности, просто из-за социального или природного закона, который нельзя изменить. Но в итоге, эксплуатация утратила свой личный характер, стала как бы анонимной. На труд за нищенскую заработную плату человека обрекал вовсе не умысел или жадность какого-то одного индивида, а закон рынка. Никто больше не нес ответственности, никто не был виноват, но и никто не мог изменить сложившихся обстоятельств. Человеку приходилось иметь дело с железными законами общества – по крайней мере, так казалось.

В XX в. капиталистическая эксплуатация, которая была обычным явлением в XIX веке, в значительной степени прекратила свое существование. Однако это не должно затемнять представления о том, что капитализм XX века, как и капитализм XIX века, основан на принципе, проявляющемся в экономических законах всех классовых обществ: использование человека человеком.

С тех пор как современный капиталист «нанимает» рабочую силу, социальные и политические формы эксплуатации изменились, но неизменным осталось то, что собственник капитала использует других людей для того, чтобы получить прибыли. Базовое понятие «использование» никак не связано с тем, как именно обращаются с людьми – жестоко или гуманно. Оно выражает тот фундаментальный факт, что одно лицо служит другому не для своих целей, а для целей нанимателя. Понятие человека, использования человека человеком ничего не говорит даже о том, кого он использует: другого человека или самого себя. «Суть дела не меняется: человек, как живое существо, перестает быть целью сам по себе и становится средством для обеспечения

экономической выгоды другого или своей собственной, или безликого гиганта – экономического механизма».

Древний мир, в частности Рим, и современное капиталистическое общество имеют много общего. В частности, для них характерно сосуществование рабства (эксплуатации человека) и капитализма. С цивилизованной точки зрения такой тип общества можно назвать «денежной цивилизацией».

Примерно с середины XIX в. некоторые историки стали обращать внимание на то, что в Древнем Риме наряду с классическим рабством еще и существовал капитализм. Среди них, выдающийся авторитет по истории Древнего Рима – Теодор Моммзен, известный своей многотомной «Историей Рима». Именно он часто использовал слово «капитализм» для описания экономики и финансов древнеримского общества. Также, существование капитализма в античном мире впервые серьезно обосновал известный немецкий историк Эдуард Мейер в таких книгах, как «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898). О том же говорил и не менее выдающийся историк, социолог и философ Макс Вебер. Свои рассуждения о существовании капитализма в античном мире он изложил в труде «Аграрная история древнего мира» (1907).

В то же время (начало XX века) о капитализме древнего мира писали немцы Вернер Зомбарт в «Буржуа», «Евреи и хозяйственная жизнь» и Карл Каутский в «Происхождение христианства», а также итальянский юрист и экономист Джузеппе Сальвиоли – «Капитализм в античном мире».

Среди отечественных авторов можно выделить блестящего русского историка и археолога, академика Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952), эмигрировавшего из России после революции 1917 года. Работая в западных университетах, он написал в 20-30-х годах XX века большое количество работ, в которых затрагивал эту тему.

Все указанные выше авторы проводят различие между ранним капитализмом, существовавшим в древности, и поздним или зрелым

капитализмом, начавшим складываться в Европе после Реформации и победы буржуазных революций. Уже тысячи лет назад существовали наемный труд, капитал, рынок, прибыль и другие черты капиталистической модели общества. Ранний капитализм, по общему мнению, не имел созидательного потенциала, а лишь обострял противоречия общества того времени.

«Зрелый капитализм, возникший как результат разрушения феодального общества, имеет историю, насчитывающую несколько столетий, и тоже сильно изменился за это время. Капитализм XIX века выгодно отличался от раннего, то есть античного капитализма, поскольку он показывал незаурядный потенциал в развитии производительных сил (вспомним «промышленную революцию» в Англии), вызывал некоторую надежду на «светлое будущее» и был построен на его базе» [Катасонов 2018, 6]

Но если говорить о капитализме нашего времени, то есть XXI века, то он полностью исчерпал такие возможности. Сегодня он находится в таком «старческом» виде, чем-то напоминающем ранний капитализм Древнего Рима. Также, как впадающие в старчество люди начинают порой напоминать несмышленных детей.

Стоит отметить, что капитализм и рабство представляют собой «две стороны одной медали». «То есть рабство (по крайней мере, в его «классическом», то есть римском варианте) предполагает капитализм, а капитализм предполагает рабство. Понимание этой органической связи между капитализмом и рабством в Древнем Риме облегчит нам понимание этой очевидной истины: современный капитализм – это только одна сторона медали, называемой современным общественным строем, в то время, как другая сторона этой медали – рабовладельческий характер этого общественного строя» [Катасонов 2018, 3].

Несомненно, что капитализм существовал в Древнем Риме. Единственное, что большинство авторов ставят древний капитализм рядом с рабовладельческим способом производства (строем). То есть создается впечатление, что капитализм и рабовладение в древнем Риме как бы

существовали, что рабовладение могло существовать и само по себе – без капитализма.

На самом деле, что у раннего, что и у позднего капитализма поразительно много сходных признаков. Важнейший из них, который стоит выделить – это потенциал на разрушения. Разрушению подвергается буквально все: общество, природа, сам человек.

Для обоснования этого утверждения будем опираться, кроме всего прочего, на книгу Карла Каутского «Происхождение христианства», которая была впервые опубликована в Германии в 1908 году, а в следующем году – в России. Книга Каутского очень интересна еще и тем, что в ней, в отличие от всех упомянутых выше авторов, проводится очень подробный сравнительный разбор раннего (античного) и позднего (зрелого) капитализма.

Он подчеркивает общие черты раннего и зрелого капитализма. Во-первых, это первоначальное накопление капитала: «экспроприация крестьян, грабеж колоний, торговля рабами, торговые войны и государственные долги» [Каутский 1990, 111]. Во-вторых, это разрушительные последствия капитализма, поэтому, как в Новое время, так и в античном мире, эти методы капиталистической эксплуатации производили одни и те же опустошительные и разрушительные действия.

В то же время Каутский пытается найти отличительные черты раннего и зрелого капитализма. По его мнению, зрелый капитализм конца XIX – начала XX века, представляет собой сочетание деструктивного и созидательного начал, в то время как ранний капитализм нес лишь только одно разрушение: «Но различие между современным капитализмом и античным заключается в том, что последний сумел развить только свои разрушительные стороны, тогда как первый путем разрушения создает силы для постройки нового, высшего способа. Конечно, методы современного капитализма являются не менее варварскими и жестокими, чем методы античного капитализма, но он создает все-таки основы для устранения этих жестоких и разрушительных действий,

тогда как античный капитализм довольствовался только разрушением» [Каутский 1990, 111].

Карл Каутский является последовательным и прилежным учеником Карла Маркса. Но, оценивая, насколько разрушительным или созидательным был капитализм XIX века, Карл Каутский явно «смягчил» позицию своего предшественника. Поскольку, Маркс сразу же безоговорочно сформулировал положение о разрушительной природе капитала. И самое главное, что он выделил, это то, что человек и природа, как два основных фактора производства, подвергаются его разрушительному влиянию: «Производство, основанное на капитале, создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств... Отсюда великое цивилизационное влияние капитала. В соответствии с этой тенденцией капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, благодушно замкнутое в известных пределах, удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал деструктивен по отношению ко всему этому».

По словам Маркса, при раннем капитализме была «эксплуатация человеческих качеств» – эксплуатация рабов. Такая эксплуатация нередко приводила не только к физическому, но и к психическому унижению рабов. Произошла также умственная, моральная и даже физическая деградация римской элиты – по причине ее праздного существования. Та прибыль и капитал, которые получали римские чиновники, земельные аристократы, «всадники», так называемых финансовых олигархов Древнего Рима, шли на потребление и наслаждение, в крайнем случае на производство предметов удовольствий – роскоши. Труд свободного крестьянина заменен трудом раба, а это означает падение производительности труда. Если и оставалась прибыль, то она шла на покупку земли, что означало экспроприацию крестьян, а также замену свободного сельскохозяйственного труда рабским, создание из вчерашних крестьян армии грубых пролетариев.

«Следовательно, грабеж и опустошение провинций доставляли (...) денежным капиталистам Рима средства для того, чтобы еще больше усилить процесс уменьшения производительности общественного труда путем распространения рабства (...) Но долго еще эти признаки экономического банкротства скрывались в ослепительном блеске собранных в Риме сокровищ: в течение нескольких десятилетий туда стекалось все, что создали столетия, даже тысячелетия упорного художественного труда во всех культурных странах, лежавших вокруг Средиземного моря» [Каутский 1990, 112].

Каутский утверждает, что рынок труда в Древнем Риме был очень узок. Производство, основанное на наемном труде, как выделяют историки, в основном сводилось к добыче полезных ископаемых (рудники) и производству некоторых предметов роскоши (требовавших квалифицированного труда). С течением времени масштабы использования наемного труда сокращались. Например, те же предметы роскоши были полностью импортированы.

Таким образом, свободные граждане Римской империи просто не хотели работать, рассчитывали на «социальную помощь» от государства. Зачем работать, если только в столице империи в среднем около трети населения города попадало под бесплатную раздачу «хлеба и зрелищ»? Из этого следует то, что в Древнем Риме вместо пролетариата возникло такое уродливое явление, как «люмпен-пролетариат». Последний, как мы покажем ниже, был жизненно важен для римской олигархии.

Катасонов писал: «Если в качестве основного капитализма рассматривать не характер господствующих трудовых отношений, то есть наемный или рабский труд, а цель хозяйственной деятельности, то тогда есть больше оснований говорить о том, что в Древнем Риме существовал капитализм. Речь идет лишь о том, что могут существовать два типа капитализма:

а) капитализм, основанный на труде работников, являющихся собственностью работодателя (прямых рабов);

б) капитализм, основанный на труде наемных работников (наемных рабов).

Эти оба вида капитализма объединяет цель хозяйственной деятельности – ориентация не только и не столько на удовлетворение естественных потребностей человека, сколько на абстрактный денежный результат» [Катасонов 2018, 7]. Это экономическая модель, которую греческий ученый Аристотель назвал хрематистикой. Аристотель делил экономическую деятельность на два основных типа: первый – это экономика как домостроительство, здесь имелась в виду удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека. Второе – это хрематистика, представляющее собой накопление богатства. С одной стороны, Аристотель считал, что в некоторых случаях накопление необходимо, например, для того, что создать страховые запасы зерна. С другой стороны, он все-таки считал большинство случаев накопления богатства неестественной деятельностью. Он утверждал, что это противоречит человеческой природе. Аристотель жил в IV в. э., и тот факт, что он осуществил такое разделение хозяйственной деятельности, еще раз доказывает, что в те времена в античном мире уже существовал капитализм.

Как итог, стоит отметить, что наиболее типичным видом хрематистики Аристотель выделял ростовщичество: «так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный» [Катасонов 2018, 7].

Таким образом, «общество потребления» возникло в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и

техническим развитием, а также социальными изменениями, в котором преобладающим стало потребление. Капитализм, появившийся в конце XIX начала XX вв., был капитализмом современным или, как его еще называют по-другому, зрелым. Примерно с середины XIX в. некоторые историки стали обращать внимание на то, что в Древнем Риме существовали зачатки многих форм капитализма, которые получили свое развитие в новой истории. В следствии чего, можно сделать вывод, что если из-за появления капитализма в конце XIX начала XX вв. появилось «общество потребления», то и в Древнем Риме из-за капитализма такое общество вполне себе могло сформироваться и существовать.

Глава 3. Потребительское общество в Древнем Риме

Особенностью античного капитализма является ориентация общества (главным образом его элиты) на потребление и получение удовольствий. В результате, речь идет не о разумном потреблении, удовлетворении естественных потребностей человека, а об особой страсти (болезненном состоянии) человека, когда он выходит за пределы разумного (достаточного) потребления. То есть, речь идет о таком состоянии общества, где эта болезненная страсть становится социальной «нормой» и почитаемым «культом».

Теодор Моммзен в своей «Истории Рима» неоднократно повторяет: «Расточительность и чувственные наслаждения – таков был общий лозунг (элиты Рима)». Описывая жизнь Рима II в. до н. э., он отмечает: «В Риме развивалась не та изящная роскошь, которая является цветом цивилизации, а та роскошь, которая была продуктом клонившейся к упадку эллинской цивилизации в Малой Азии и Александрии. Эта роскошь низводила все прекрасное и высокое на уровень простой декорации; наслаждения подыскивались с таким мелочным педантизмом, с такой надуманной вычурностью, что это вызывало отвращение у всякого человека, неиспорченного душой и телом» [Моммзен 1993, 178].

И действительно, роскошь и поиск чувственных удовольствий проявлялись во всем: богатых пирах и званых обедах, одежде и украшениях для тела, скульптуре и интерьере, архитектуре и устройстве садов, организации зрелищ (здесь можно выделить: гладиаторские игры, театральные представления, цирки), похоронах, обильных жертвоприношениях в языческих храмах и т. д. А также до невероятности распространились азартные игры, проституция и прочие пороки, требующие больших денег.

Древний Рим очень похож на современный развитый город, причем намного больше, чем кажется на первый взгляд. Огромное количество жителей сталкивались с теми же проблемами, что и мы. Быт и ценности

античной эпохи конечно исчезли и остались пережитками прошлого, но схожесть нашей жизни с простым римлянином в бытовых и повседневных вопросах отрицать все-таки не стоит.

Общество делилось на бедных и богатых, женились ради выгоды, любило роскошь и зрелищность, занималось расточительством: всё это говорит об отсутствии тех нравственных ценностей, которые также не присутствуют в современном обществе. Поэтому, возможно, именно падение нравственности стало одной из причин распада Римской империи.

Современное общество, владеющее многими благами, в сравнении с античностью, следует тем же законам бытия: не довольствоваться малым, а стремиться к большему. Имущество – это один из показателей нашего положения в обществе, именно поэтому мы относимся к своим вещам с таким трепетом. У римлянина могло быть имущество, которым он дорожил и старался сделать его роскошным, но, скорее это было сделано не для личного удовлетворения, а для демонстрации собственного социального статуса.

В античной философии эти болезненные страсти аристократии находили объяснения и обоснования в разного рода теориях. Так было разработано учение о гедонизме. Вот, что говорится в энциклопедии об этом учении: «Гедонизм – философское и этическое учение, обосновывающее наслаждение высшей целью человеческого существования. Оно зародилось в античном обществе, основанном на рабском труде, и затем возрождается в эпоху позднего феодализма и раннего капитализма». Вот что мы читаем в Большой советской энциклопедии по данному вопросу: «Гедонизм (от греч. *hedone* – наслаждение), этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему всё многообразие моральных требований. Стремление к наслаждению в гедонизме рассматривается как основное движущее начало человека, заложенное в него природой и предопределяющее все его действия, что делает гедонизм разновидностью антропологического натурализма. Как нормативный принцип гедонизм противоположен аскетизму. В Древней

Греции одним из первых представителей гедонизм в этике был основоположник киренской школы Аристипп (начало IV в. до н. э.), видевший высшее благо в достижении чувственного удовольствия. В ином плане идеи гедонизм получили развитие у Эпикура и его последователей (эпикуреизм)...» [Большая советская энциклопедия 1929, 247].

Желание к потреблению и наслаждению в римской элите проявлялось в большой степени числе рабов, которые непосредственно служили своему господину. Стоит заметить, что в одной из своих сатир Гораций отмечает, что минимумом, которым может довольствоваться скромно живущий человек, является десять рабов. В то время, как в домах богатой римской знати их число могло исчислять нескольких тысяч. В лучшие времена, когда цены на рынке рабов являлись высокими, эти так называемые «домашние» рабы сами стали вести роскошный, а иногда и довольно развратный образ жизни. Например, об этом пишет Карл Каутский: «Если варваров отдавали на плантации и рудники, то более образованных, в особенности греческих, рабов причисляли к «городской семье», т. е. к городскому дому. Среди рабов были не только повара, писцы, музыканты, педагоги, актеры, но и врачи, и философы. В противоположность рабам, служившим для добывания денег, такие рабы в большинстве случаев несли не особенно обременительную службу» [Каутский 1990, 74–75]. Вслед за этим Каутский продолжает: «Громадное большинство их были такими же грабителями, как их господа» [Каутский 1990, 74–75]. Таким образом, «домашние» рабы, как и их хозяева, были одержимы страстью к обогащению и получения удовольствий и ради этого были готовы идти на многие вещи.

Стоит сказать, что потребительским было и поведение уже упомянутых люмпен-пролетариев, которые представляли собой значительную, а иногда даже большую, часть населения итальянских городов. Поскольку они хотели от государства и олигархов не работы, а, как писал Ювенал, «хлеба и зрелищ». В результате, те свободные римские граждане, которые не могли войти в богатую верхушку римского общества, но при этом также не желали

обходиться скромными «стандартами потребления» люмпен-пролетариев, чаще всего становились на путь воровства и разбоев. Таких римлян, как указывает Моммзен, во все времена было в достаточном изобилии в государстве. Он также отмечает, что многие не выдерживали этой отравляющей атмосферы римского «общества потребления». В следствии чего, они были вынуждены эмигрировать, иной раз даже достаточно далеко – за пределы империи.

Тем временем, страсть к обогащению и страсть к потреблению неразрывно связаны. Однако между ними существуют некоторые различия. Поскольку, страсть к обогащению предстает еще более иррациональной, чем страсть к неутолимому потреблению. Происходит постоянное приобретение и накопление богатства, но оно, в итоге, не завершается потреблением этих самых богатств. Например, в позднем капитализме (современном) из двух страстей более определяющей была страсть именно к обогащению, то есть накоплению, в то время как в раннем капитализме (римском) представляло собой страсть к потреблению. Каутский писал об этом: «Если современного капиталиста характеризует страсть к накоплению капитала, то знатного римлянина времен Империи, эпохи, в которую возникло христианство, отличает страсть к наслаждениям. Современные капиталисты накопили капиталы, в сравнении с которыми богатства самых богатых древних римлян кажутся незначительными. Крезом среди них считался вольноотпущенник Нерона, Нарцисс, имевший состояние в 90 миллионов марок. Что значит эта сумма в сравнении с теми 4000 миллионов, которые приписываются Рокфеллеру? Но расточительность, которой отличаются американские миллиардеры, несмотря на ее размеры, вряд ли может сравниться с расточительностью их римских предшественников, которые угощали своих гостей соловьиными языками и распускали в вине жемчужины» [Каутский 1990, 74].

Такая норма «порядочности» не успела полностью оформиться в Риме не только республиканской, но и имперской эпохи. Например, в эпоху

императоров, когда некоторые из них пытались привести элементарный порядок в хозяйственной жизни и уменьшить разнузданную расточительность элиты, так называемый заявленный стандарт «порядочности» являлся пустым лозунгом. Настоящей нормой жизни было наличие больших долгов аристократии. Кроме того, именно аристократия считала такое положение «нормой» и особо не беспокоилась по этому поводу. При этом, как известно, сами императоры очень часто жили в долг. Например, Утченко писал об Юлии Цезаре: «Цезарь с увлечением собирал произведения искусства, а за красивых и ученых рабов платил такие неслыханные цены, что даже сам запрещал вносить их в хозяйственную отчетность. Близ озера Неми он построил за огромные деньги виллу, но она ему не понравилась, и он приказал скрыть ее до основания. Плутарх сообщает, что Цезарь еще до того, как получил первую должность, очевидно квестуру, имел долгов на 1300 талантов (или 8 миллионов денариев). Однако это ничуть не повлияло на широкий образ его жизни и на щедрость его трат в ближайшем будущем» [Утченко 1976, 13].

В следствии этого, римский капитализм без преувеличения можно назвать преимущественно «потребительским капитализмом», в следствии чего, как и в позднее время во времена позднего капитализма, можно сказать, что он породил некое «общество потребления». Это общество пытались описать в своих сатирах – Энний, Луцилий, Гораций, Персий, Ювенал. В принципе, можно сказать, что в какой-то степени именно и поэтому появился жанр «сатира» в Древнем Риме.

Но проблема состоит не только в римском обществе или в современном обществе, а в том, что потребление существует в каждом обществе, без него общество (и просто сама человеческая жизнь) немислимо. Говоря об «обществе потребления», мы имеем в виду, конечно, такое общество, в котором баланс между производством и потреблением смещается в сторону потребления. Поскольку «общество потребления» может существовать долго только при наличии внешних ресурсов (кратковременно оно может

поддерживаться внутренними резервами или запасами). Такое общество не только «потребительское», но и «паразитическое» одновременно.

Теперь стоит остановиться на том, что существует теснейшая причинно-следственная связь между культом (страстью) потребления и разрушением. Начнем с того, что, во-первых, потребление есть процесс «переваривания», а также «перемалывания» и, как результат, «разрушение» материальных благ (расходных материалов, средств производства, ценностей). По итогу, выходит то, что процессы «разрушения» опережают процессы «созидания» материальных благ.

Во-вторых, если общество (определенная социальная группа) хочет иметь прямой и быстрый доступ к материальному благу – предмету потребления, то необходимо применять силу, а сила всегда разрушительна (все стороны человеческого бытия, а также и сама личность подлежит разрушению). То, что это связь существовала в древнеримском обществе, доказывается тысячами фактами из его истории – социальными, экономическими, военными.

Эта связь в древнеримском обществе доказывается многими фактов из его истории – экономической, социальной, военной. Поскольку потребление в метрополии Римской империи имело выраженное преобладание над производством (созиданием), именно поэтому римское общество без преувеличения можно назвать «паразитическим». Такой паразитизм в наиболее обобщенной форме имел две взаимосвязанные основы: а) военную; б) финансово-экономические.

Военная основа – применение силы для захвата материальных благ (объектов потребления). В фазе становления империи территория продолжала расширяться, в состав империи включались все новые и новые провинции, которые становились основным источником паразитического потребления в метрополии. Добытые таким образом материальные блага (или эквиваленты в виде денежных металлов, такие как золото и серебро) называются по-разному:

трофеи, контрибуция, репарация, дань. Метрополии снабжались товарами один раз или на ограниченный период времени.

Определенная часть дани попадала в руки военачальников, солдат и других частных лиц. В то время, как другая часть оказывалась в римской казне. В Древнем Риме существовали особые законы и правила, регулирующие порядок деления дани на эти две части. В реальной жизни, естественно, эти нормы не соблюдались: частные лица, как правило, присваивали себе больше, чем положено.

Финансово-экономическую основу составляет непрерывное получение материальных благ от провинций. Значение этой основы росло, а после стало важнейшим (по отношению к военной основе) по мере того, как замедлялось (а затем и совсем остановилось) расширения внешних границ империи. Таким образом, финансово-экономическая основа, в свою очередь, включила в себя два основных источника: а) имущество римского государства (императора) в провинциях; б) налоги, уплачиваемые провинциями в пользу метрополии.

Теперь стоит продолжить тем, что в раннем Риме существовало натурально-патриархальное хозяйство, которое было не сильно связано с рынком. Хозяйство, которое принадлежало богатым римлянам-рабовладельцам, обеспечивало их всем необходимым как для удовлетворения жизненных потребностей, так и для изысканных. Однако нашумевший «закон возвышения потребностей» привел к тому, что со временем богатым римлянам-сибаритам этого уже было недостаточно. В итоге, многие предметы роскоши можно только было купить: «Это различные пряности, благовония, золото и изделия из него (золото в Италии и соседних областях вообще не добывалось), шелковые ткани, изделия из кости, драгоценные камни и украшения, некоторые виды вина, редкие птицы и животные, экзотические растения, фарфор, оружие и т.д.» [Катасанов 2018, 7].

Все эти удовольствия и излишества, конечно, требовали денег, и натурально-патриархальные хозяйства стали превращаться в товарные. Рабы стали производить для своих господ не предметы потребления и личные

услуги, а деньги. Из чего следует, что на смену патриархальному рабству пришло рабство, которое историки называют «классическим».

На территории государства как самого Рима, так и прилегающие области Апеннинского полуострова, производились на продажу, а также и на экспорт, вина, оливковое масло, металлы и шерсть. Однако таких экспортных производств было недостаточно, поэтому деньги стали зарабатывать и на международной торговле. К счастью, торговля на территориях, контролируемых римлянами, была для римлян беспошлинной. Некоторые рабы использовались в торговом флоте и в наземных перевозках товаров. В итоге, римские торговцы не только обслуживали государство, но и доставляли товары в другие области, не заходя в порты Италии. Помимо этого, как они торговали обычными товарами, они также активно торговали «живыми» товарами, то есть рабами. Торговля как бизнес мог бы быть более развитым, если бы не такой негативный фактор, как пиратство. Поэтому высокие доходы от торговли частично «съедались» убытками от пиратских грабежей.

Таким образом, историки Рима говорили о появлении во II в. до н.э. капитализма – преимущественно как не об промышленном, а торговом. Моммзен писал об этом времени: «Внешняя торговля получила весьма широкое развитие отчасти в силу естественных причин, отчасти и потому, что во многих покровительствуемых Римом государствах римляне и латины не платили таможенных пошлин. О размерах заморской торговли Рима можно судить по тому, что серебро оказывалось уже недостаточным средством обмена и в огромном количестве обращалось золото (...) Промышленность, во всех отраслях которой употреблялся рабский труд, тоже развивалась, но далеко не столь значительно, как торговля, необычайное же развитие получили различные торговые и промышленные предприятия. Стремление к приобретению богатства, к увеличению своего благосостояния охватило мало-помалу всю нацию [Моммзен 1993, 117].

Ряд авторов обращает внимание на то, что древнеримский капитализм был весьма специфичен: капиталист-собственник того времени использовал в

качестве рабочей силы только рабов, «живую собственность». В то же время в Древнем Риме существовали формальные предпосылки для развития модели капитализма, основанного на наемном труде: с одной стороны, многие патриции накапливали крупные суммы капитала. С другой стороны, многие плебеи разорились, превратившись в люмпен-пролетариев, населявших Рим и другие крупные города Италии. Однако объединения (по крайней мере, массового) капитала со свободными рабочими руками в Древнем Риме не произошло. Если бы такая связь имела место, то в Древнем Риме развился бы капитализм, который мы могли бы условно назвать «индустриальным». Судя по всему, у богатой «верхушке» Рима не хватило стимулов и желания заниматься предпринимательством. Также, как и люмпенизированные «низы», уже привыкшие к праздному образу жизни, не представляли из себя качественной рабочей силы. Поэтому можно сказать, что в Древнем Риме не было производительного капитализма, основанного на наемном труде.

В итоге, у богатых «верхов» римского общества была более простая и выгодная альтернатива – ростовщический бизнес. Этот бизнес избавлял их от необходимости иметь дело с наемной рабочей силой и рисками промышленной и торговой деятельности. Этот вид бизнеса представлялся более прибыльным, чем ремесленное производство или сельское хозяйство, и в то же время был менее рискованным, чем международная торговля. Тот же Моммзен писал о Риме II в. до н. э.: «В колоссальных размерах (...) развивалось в Риме денежное хозяйство. Уже во время Катона не только в Риме, но и в провинциях действовало множество банкиров, которые являлись посредниками в самых разнообразных торговых и промышленных предприятиях и во всевозможных денежных расчетах» [Моммзен 1993, 118].

Именно поэтому Каутский видит в Древнем Риме зачатки многих форм капитализма, которые получили свое развитие в новой истории. Однако, как с хронологической точки зрения, так и с точки зрения значимости, первой его формой он считает ростовщичество: «...ростовщичество представляет первую форму капиталистической эксплуатации» [Каутский 1990, 110].

Важно подчеркнуть, что такого рода эксплуатация происходит не в сфере производства, а в сфере обращения. Понятно, что для того, чтобы ростовщическая эксплуатация «работала», необходимо хотя бы минимальное развитие товарно-денежных отношений в обществе. Как только в Древнем Риме стали складываться товарно-денежные отношения, сразу же возникло ростовщичество. По этой причине Каутский (как и ряд других авторов) называет римский строй ростовщическим капитализмом.

Еще одна деталь состоит в том, что из чиновничьего клана постепенно «отошел» класс так называемых «всадников» – людей, специализировавшихся в основном на денежных и торговых операциях (первоначально – от имени и в интересах государства). Другое их название – «эквиты». Это была финансовая олигархия Древнего Рима.

В эпоху республики в III в. до н.э. появились всадники. И для этого сословия существовал имущественный ценз. Например, в начале II в. до н. э. требовалось имущество не менее 400 000 сестерциев для того, чтобы включить в сословие всадников. Потому что класс всадников был на ступеньку ниже аристократов, или «нобилей». Не менее богатые, чем «нобили», всадники постоянно боролись за «равноправие» на политической арене. Их положение значительно укрепилось в имперский период (несмотря на попытки некоторых аристократов и императоров ограничить их политическое и финансовое влияние). В итоге, начиная с конца I века до н. э. (с времен императора Августа) титул всадника стал передаваться по наследству.

С I в. н. э. из всадников стал комплектоваться командный состав армии. Они стали занимать ключевые должности по управлению провинциями (префекты, прокураторы и т. д.). В начале III в. н. э. впервые императором стал представитель всадников – Макрин (217–218). В это время различия между всадниками как финансовой олигархией и сенаторами как земельной (политической) олигархией уже практически стерлось [Катасанов 2018, 11].

Среди всадников (особенно в поздний период истории Древнего Рима) были известные политики, писатели и даже философы. Например, философ

Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), сколотивший состояние в 300 миллионов сестерциев за счет ростовщических операций. Сословие всадников просуществовало до правления императора Константина Великого (306-337), при котором большая часть всадников была переведена в разряд сенаторов.

О возникновении класса «всадников» мы можем прочитать у Т. Моммзена: «Около 218 г. до н. э. Гай Фламиний провел закон, который запрещал сенаторам и их сыновьям принимать участие в казенных подрядах и вести заморскую торговлю. Мысль отстранить от участия тех, кто по своему положению в администрации находился в исключительных условиях сравнительно с другими, по существу мысль верная. Практических последствий для аристократии закон этот, впрочем, не имел, так как развитие торговых компаний доставляло множество способов обходить это запрещение, но было чрезвычайно богато последствиями это разграничение законом политически властвующей аристократии от аристократии чисто финансовой: все следующее столетие римской истории наполнила собою упорная борьба денежной аристократии и властвующей знати. Таковы были плоды капитализма...» [Моммзен 1993, 118].

Отметим, однако, что в имперскую эпоху римской истории интересы финансовой и политической аристократии смешались и переплелись, стирая границы между этими двумя группами.

Таким образом, ориентация человека на потребление и получение удовольствия становится важной частью устройства древнеримского общества. Речь идет не о разумном потреблении, удовлетворении естественных потребностей человека, а об особом болезненном состоянии человека, когда он выходит за пределы разумного потребления. Такое желание к потреблению и наслаждению больше всего проявлялось в римской элите. Потому что произошла умственная, моральная и даже физическая деградация римской элиты – по причине ее праздного существования, так как та прибыль и капитал, которые получала элита, шли на потребление и наслаждение.

Именно из-за этой специфической духовной ситуации, сложившейся в Древнем Риме, была рождена сатира.

Глава 4. Формирование сатиры как жанра

На фоне всех этих событий зарождается римская сатира, постепенно обретая форму, позволяющую «излить на окружающий мир дух добродетельной досады» [Гегель 1968, 126], с помощью которой можно воссоздать образ реальности, разрушающейся внутри из-за его испорченности, чтобы показать его в сравнении с неким абстрактным идеалом. В следствии чего поэт пытается противопоставить в сатире собственные – добродетельные – убеждения и взгляды, которые были показаны как неколебимые неустойчивостью, изменчивостью, а также трудностями и жестокостью настоящего времени.

Напомним, что сатира как жанр зародилась в Риме во II в. до н.э., когда стали проявляться первые признаки кризиса, которые впоследствии привели к гибели республиканского строя и установлению имперского режима. В римском обществе формировалось индивидуалистическое мировоззрение, чему в немалой степени способствовало растущее влияние и распространение греческой идеологии и культуры. Правда, наиболее консервативно настроенные римляне все еще сильно отвергали индивидуалистические тенденции.

Именно в этом ключе объяснял сущность сатиры и обусловленность ее возникновения в Древнем Риме Гегель в своих «Лекциях по эстетике». В его понимании, сатира возникла как результат растворения классической формы искусства, примером которой было искусство Древней Греции, где личность существовала в полной гармонии и слиянии как с государством, так и с обществом в целом. Но в дальнейшем, как отмечает Гегель, эта гармония между личностью и государством была нарушена, и Древнем Риме уже очевидным был процесс усиливающегося отчуждения личности от всего социального в общем. Таким типом искусства, которое смогло бы отразить рождающее противоречие между внутренним миром личности и внешней действительность, была сатир. «Поскольку растворение идеального, прозаического по своему внутреннему содержанию, проявляется в сатире, –

пишет Гегель, – мы не должны искать его настоящей почвы в Греции, в этой прекрасной стране. Сатира <...> представляет собой особое качество римляне» [Гегель 1968, 45].

Поэтому, по мнению Гегеля, сатира была рождена специфической культурной и общественной ситуацией, сложившейся именно в Риме: «Дух римского мира – это господство абстракции, мертвого закона, разрушение красоты и веселых обычаев, вытеснение семьи как непосредственной природной нравственности, вообще – принесение в жертву индивидуальности, которая отдается государству и находит свое хладнокровное достоинство и рассудочное удовлетворение в повиновении абстрактному закону» [Гегель 1968, 84–85].

Древние отличали два вида сатиры: одна – исключительно стихотворная, которая развивалась такими поэтами, как Луцилий (180–102 до н.э.), Гораций (65–8 до н.э.), Персий (34–62 н.э.) и Ювенал (м. 50 и 60 – п. 127); и т.н. Мениппова сатира, характерная соединением стихов и прозы, которая была введена в римскую литературу ученым и писателем Варроном (116–127 до. н.э.). Его произведения в этом жанре, дошедшие до нашего времени, позволяют прийти к выводу, что в них как преследовались определенные общественные цели, а так и вырабатывались новые идеи и способы действия. Не приносящим плодов философским рассуждениям противопоставлялась римская житейская мудрость. Затрагивал Варрон и чисто политические проблемы того времени: известно, что после того, как установился первый триумvirат, Варрон издал сатиру под наименованием «Трехглавое чудовище». Блестящим продолжением «менипповой сатиры» в римской литературе являются два произведения эпохи Нерона: «Апофеоз божественного Клавдия» и роман Петрония «Сатирикон».

Однако основным материалом для нашего исследования послужили произведения двух поэтов, названных выше, это – Горация и Ювенала. Благодаря их вкладу в римскую сатиру Квинтилиан (I в. н.э.) утверждал: «Сатира – целиком наша» (10, 1, 93). Данное утверждение Квинтилиана

представляется верным только по отношению к сатире как отдельному жанру, преимущественно в гекзаметрических стихах, тогда как в более широком понимании сатирическая литература в Риме обязана своим происхождением и греческой литературе» [Дуров 1997, 5]. Отмечающие это исследователи уделяют основное внимание тем жанрам греческой литературы, в которых присутствует «сатирический дух», а поскольку любовь греков к иронии и насмешкам общеизвестна, то их предостаточно в любом периоде древнегреческой литературы: греческий пародийный эпос, вроде известной «Войны мышей и лягушек», комедия, мим, ямбическая поэзия, эпиграмма, киническая диатриба, язвительные стихи-«силлы». Не вызывает сомнения то, что греческие сочинения различных жанров, особенно сочинения эллинистического периода, оказали влияние на отдельных римских поэтов-сатириков. Но из этого совершенно не следует, что римская сатира как таковая, в своем полном виде, была заимствована из греческой литературы.

Напротив, можно смело сказать, что римская гексаметрическая сатира – это явление совершенно оригинальное и исключительное. Римская сатира вобрала в себя мотивы и приемы многих греческих жанров, но никогда не теряла своего особого характера, некоего своеобразия. Наоборот, в постоянном соприкосновении с греческой литературой ей удавалось в полной мере раскрыть ее возможности и богатство художественных форм.

Таким образом, римская сатира является своего рода слиянием греческой культуры и римского духа. Конечно, насмешливые традиции римского фольклора тоже придавали ему определенный колорит, но римская сатира не восходит к одному фольклорному жанру, иначе она не стала бы такой, какой мы ее знаем сегодня.

Римская сатира с самого начала характеризовалась необычайным разнообразием содержания, что и было закреплено уже в названии жанра – «смесь». Сами сатирики того времени называли это характерной и особой чертой жанра. Разнообразие содержания соответствовало и богатству форм, так как сатира могла принимать форму диалога, послания, наставления,

путевого очерка и т. д. В итоге, сатира стала тем самым жанром, который позволял поэту, помимо всего прочего, в непринужденной форме (дружеская беседа, письмо или размышление) поговорить на самые разные актуальные темы политики и философии, искусства и практической морали, рассказать о себе, дать полезный совет другу или посудачить на злобу дня.

Жанровые рамки римской сатиры также исключительно подвижны. Сатира сама по себе легко соприкасается с другими литературными жанрами, особенно с такими, которые допускают использование комического, – комедией, басней, эпиграммой, ямбом. (Но для сатиры характерно то, что она не только критикует, высмеивает или ругает, но и поучает, а также воспитывает и наставляет.)

В самом деле, получается, что римская сатира хорошо уживается со всеми жанрами, кроме, пожалуй, тех, которые имеют дело с мифологическим материалом, который сам по себе является оторванным от реальной жизни. Соседствуя и гранича с другими жанрами, сатира заимствует у них многие художественные приемы и средства. Однако, не следует думать, что это влияние было односторонним, потому что сатира также, в свою очередь, повлияла на многие жанры римской литературы.

В конечном счете, «сатирический» элемент, который теперь кажется обязательным в сатире, первоначально был лишь одним из многих, как, например, в сатирах Квинта Энния (239–169 до н.э.), с которых начинается история этого литературного жанра. В стихотворениях, вошедшие в сборник Энния, обличительный пафос еще не был доминирующим в данном жанре. Главной целью, по всей вероятности, было поучение и наставление в развлекательной форме. Представление о жанре «сатиры» как о язвительном бичевании общественных пороков и изъянов, по-видимому, началось с Гая Луцилия, и окончательно утвердилось только в I в. до н.э., а самым ярким его представителем считается поэт-сатирик Ювенал, живший в еще позже.

Начальное оформление стихотворной сатиры как обличительного жанра появляется в творчестве Гая Луцилия, традиционно считающегося первым

истинным римским сатириком, поскольку он сознательно превращает литературное творчество в орудие политической борьбы, обличая конкретных лиц, выводя их в произведениях под собственными именами. По-видимому, именно благодаря Луцилию термин «сатура» получил жанровое значение: «Луцилий (...) внес существенно новое в содержание и форму стихотворений, объединявших заглавие «сатуры» придав им острый обличительно высмеивающий характер, который стал определяющим признаком сатуры как жанра» [Тронский 1988, 312]. После Луцилия термин «сатура» стал восприниматься римлянами не как заглавие сборника смешенных стихотворения, а как название обличительного жанра, сохранившего, правда, некоторые остатки первоначального вида, то смешение в содержании.

Многообразие формы и содержания в сатире, как правило, связаны с идейно-эмоциональной активностью сатирика, остротой и личностной направленностью критики, использованием различных художественных средств комического, стилистических установок и конкретных исторических подробностей. Творчество писателя всегда социально обусловлено. И обличительный пафос римских поэтов-сатириков самым непосредственным образом зависел от их положения в обществе, материальной обеспеченности, жизненного опыта, а в конечном счете от конкретной исторической ситуации и реальной возможности свободно выражать свои мысли, каковая чрезвычайно редко предоставлялась римским поэтам. Свободный обмен мнениями, причем в остро полемической форме, характерный для поэзии Луцилия, – исключительный факт в политической и литературной истории Древнего Рима.

Таким образом, возникновение сатиры в Древнем Риме стало возможным во многом благодаря практическому духу, господствовавшему во всех областях римской деятельности. Интерес к практической стороне жизни, к экономике и политике, повышенное внимание к разным моментам жизни и к отдельной человеческой личности, придавали всей римской культуре исключительно земной характер. Способности греков к фантазированию,

проявившейся в создании многочисленных героических и космогонических мифов, римляне противопоставили способность выражать сугубо конкретные интересы воинов, купцов, крестьян, законодателей. Не одаренные в такой степени, как греки, склонностью к абстрактному мышлению, римские философы предпочитали разрабатывать вопросы практической этики. В следствии чего, эти же вопросы привлекли внимание сатириков.

В связи с этим следует отметить, что одной из отличительных черт римской сатиры является ее реализм, который выражается во все возрастающем внимании авторов сатирических произведений к конкретному индивидуальному бытию, к бытовой действительности того времени, а также к так называемой «прозе жизни». Эта особенность издавна была присуща латинской словесности.

Другая особенность сатиры – постоянное присутствие общего для всей моралистической литературы Древнего Рима нравственного идеала, а именно из «обычаи предков» (*more maiorum*). Предки мало чем отличались друг от друга в превознесении старых добрых нравов, умеренности, трудолюбия, строгого благочестия, верности долгу, целомудрия. Преданность античным установлениям, а также реализация традиций как высшего критерия общественной нравственности с древних времен характеризовали римскую культуру. Общность нравственных установок сатириков, разделенных одним или даже двумя веками, оказалась возможной потому, что «в городах империи воспроизводились принципы, на которых базировались старые буржуазные общины, и соответственно идеология, характерная для такие сообщества и основанная на них культура воспроизводились» [Е. М. Штаерман 1957, 23].

Стоит подчеркнуть, что для поэтов-сатириков основным источником вдохновения являлась сама жизнь, современная римская действительность и окружающие ее люди. Сатира показала себя как жанр, допускающий художественное освоение самых широких сторон действительности. Единственное ограничение: темы и вопросы должны быть актуальными, связанными с насущными проблемами общественной жизни, политическими,

нравственными, этическими, а также эстетическими темами» [Ложкова 2014, б].

Жизнь Рима полна в сатирах как в никаком другом жанре, она изображена во всех ее красках. В своих произведениях сатирики сделали известными для нас жизнь простых людей того времени, их нравы, в том числе самые низкие поступки людей. Они писали о насущных проблемах, злободневности и повседневности того времени, например, мы видим, что аристократы ни с кем не считались и вели себя почти как боги, а писатели очень талантливо и своевременно описывали их деятельность.

Рим сатириков полон дельцами, мошенниками и всевозможными проходимцами. На страницах их книг оживали богатые выскочки, болтуны, мелкие негодяи и наглые мошенники. Они создают, таким образом, внушительную галерею отрицательных образов – воров, охотников за чужим наследием, врачей-шарлатанов, отвратительных старух, ненасытных женщин – всеми теми темными личностями, которыми кишели улицы Древнего Рима.

В конечном итоге, являясь беспристрастными наблюдателями повседневной жизни, поэты-сатирики запечатлевают ее в своеобразной карикатуре, едком остроумии или в ярком описании, часто даже в пикантной, а иногда грубо натуралистической форме.

Иными словами, стремление отразить жизнь во всем ее многообразии, острая наблюдательность и вкус к исторической конкретности определили реалистический стиль этого жанра. Погруженный в реальную действительность, окружающую его, поэт дает резкий упрек любителям мифологической поэзии, оторванным от жизни.

Гегелю удалось понять и сформировать как сущность сатирического типа отношения к действительности, так и архетипическую основу, определяющую специфику сатирического жанра: «Для сатиры требуются твердые принципы, с которыми современность находится в противоречии, мудрость, остающаяся абстрактной, добродетель, которая с упрямой энергией следует лишь самой себе и которая, хотя и может вступить в разлад с

действительностью, не в состоянии, однако, осуществить ни подлинно поэтического разложения ложного и отвратительного, ни подлинного примирения в истине» [Гегель 1969, 227].

Сатира отличалась стилистическим разнообразием и богатством: для нее органична любая форма комической образности – от нарочито гротескной, карикатурной, условной до вполне жизненной. Столь же богаты ритмические и интонационные возможности: от гневных интонаций «воинствующей» сатиры Луцилия и резких интонаций «возмущенной» сатиры Ювенала, до насмешливо-интимных интонаций «смеющейся» сатиры Горация. Все эти особенности открывали перед поэтической сатирой большие перспективы, открывшиеся в более поздние литературные эпохи.

Наконец, сатира оказалась жанром, ориентированным на свободные композиционные формы. Популярность диалогов, монологов, формы послания к адресату, как реальному, так и вымышленному, как нельзя лучше соответствовала широте содержания и проблематики: «разговор», «беседа» могли касаться практически любого, волнующего современников, вопроса. Сатира легко включала в повествование бытовые зарисовки, «картинки», иллюстрирующие авторскую мысль.

Таким образом, римская сатира представляла собой нравоописательные стихотворения о пороках современности – иногда добродушно-насмешливые, иногда гневно-бичующие. Хотя сатира намеревается быть смешной, ее целью не является главным образом юмор, в действительности сатира – это нападение на какое-либо явление. Сатирическими могут быть и целое произведение, и отдельные образы, ситуации, эпизоды.

Глава 5. «Смеющаяся» сатира Горация

В качестве литературного жанра сатира окончательно оформилась в творчестве римского поэта I века до н.э. Квинта Горация Флакка, имевшего предшественников на сатирическом поприще – римских поэтов Энния, Пакувия, Луцилия, писавших стихи смешанного содержания и формы. Поэты последующих веков Персий и Ювенал считают себя прямыми продолжателями стихотворной сатиры Горация, на что они сами указывают в своих произведениях.

Квинт Гораций Флакк (65-8 гг. до н. э.) родился в Везувии, римской колонии. Отец Горация был вольноотпущенником, который являлся владельцем скромного имения. Когда Гораций был еще ребенком, его отец, чтобы дать сыну хорошее образование, оставил спокойную жизнь в провинции и приехал в Рим. Гораций не раз пишет с гордостью и признательностью об этом человеке старого закала, полностью посвятившем себя воспитанию сына. В Риме Гораций учился вместе с детьми всадников и сенаторов в школе Орбилия.

Осенью 44 г. Брут приехал в Грецию вербовать среди молодежи сторонников для борьбы против Антония и Октавиана. В Афинах Гораций присоединился к нему. «Захваченный необычностью своей роли, Гораций становится сторонником дела республики и в звании военного трибуна, которое, должно быть, очень льстило сыну бывшего раба, командовал легионом. Но поражение при Филиппах в ноябре 42 г. быстро отрезвило его, к тому же его натуре были чужды войны и политические раздоры, в которые он был вовлечен своей собственной неопытностью и красноречием убийцы Цезаря. Впоследствии Гораций с горечью упоминал об утрате своих недолговечных иллюзий и несчастной аванюре, едва не погубившей его» [Дуров 1997, 64]. Судя по всему, в Италию он вернулся в начале 41 г., а после амнистии сторонников Брута в 40 г., он возвращается обратно в Рим. В этот момент отца уже нет в живых, а его имущество было конфисковано. Гораций вступает в коллегию квесторских писцов. Это было сделано для того, что

иметь хоть какие-то средства для существования. Следовательно, именно к этому времени относятся его первые поэтические опыты. Позже он писал об этом периоде своей жизни:

«К брани хотя и негодный, гражданской войною и смутой
Был вовлечен я в борьбу непосильную с Августа дланью.
Вскоре от службы военной свободу мне дали Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл; ни отцовского дома
Нет, ни земли, – вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать» (Послания, 2 книга, 2, 47–52)

Гораций с 41 по 30 гг. до н. э. написал и опубликовал две книги «Сатир». При этом сам поэт часто именуется не «Saturae» или «Satirae», а «Sermones», то есть «Беседы», тем самым подчеркивая, что самое главное в них – изложение мыслей в форме непринужденного диалога. Это был период агонии римской республики. После убийства Гая Юлия Цезаря в 44 г. с новой силой вспыхнули гражданские войны, которые не утихали до сентября 31 г., когда Октавиан в сражении при Акции нанес сокрушительное поражение по своему политическому сопернику Марку Антонию и стал единовластным правителем не только в Риме и Италии, но и далеко за ее пределами. Таким образом, сатира в последние десятилетия римской республики имела явную тенденцию переродиться в политическую инвективу. В этих условиях Гораций создает новый тип сатиры, направив развитие уже освоенного в римской литературе жанра по совершенно иному пути. Эти произведения Горация еще его современников заставили видеть в них подражание Луцилию, творцу сатиры как поэтического вида.

Так, Луцилий, свободно излагавший впечатления из жизни и отстаивая великие заслуги Сципиона, нападая ожесточенно на его врагов, основал собственными сатирами новую традицию. Гораций ценит юмор и отвагу Луцилия, но упрекает его за небрежный язык и многословие. Он утверждает, что сатиры Луцилия текут «мутным ручьем» (I, 4, 11). Так как для сатирика важны шутка и смех, Гораций настаивает на ясности мысли, краткости

выражения и разнообразия стиля. По мнению поэты, сатира как жанр, близкая по-своему к комедии и пантомиме, позволяет более точнее, чем какие-то другие жанры, описать события жизни и индивидуальность автора.

Гораций своим сатирам пытается придать более цельный характер, чем это было у его предшественников. Причем он пытается это сделать не только в стихотворном метре, закрепляя за сатирами дактилический гекзаметр, но и в содержании. Поэт сузил тематику своих сатир, сосредоточившись на вопросах частного поведения. Им высмеивались носители ложных ценностных установок, носители таких пороков, как погоня за мнимыми благами, корыстолюбие, тщеславие, зависть.

Во-вторых, был смягчен пафос: Гораций предпочел издевке иронию, обличению – насмешку. Горацию больше нравится умеренная шутка, чем резкое осмеяние, составлявшее отличительную особенность луцилиевской сатиры. Это – шутка светского человека, который любит выражать свои настроения не прямо, не так, как он чувствует, а завуалированно, в форме тонкой иронии.

Таким образом, поэт в своих сатирах не бичует пороки современников, как это делал Луцилий, он всего лишь высмеивает и поучает их. Благодаря своим насмешкам и издевкам Луцилий желал если не уничтожить объект своих нападок, то как минимум заставить измениться в лучшую сторону. В задачу Горация не входила изменение поведения людей или наказания их. Он обличает пороки и заблуждения для того, чтобы показать, как не следует жить, а не для того, чтобы как-то унизить или оскорбить их носителей. В результате, цель сатирика заключается в том, чтобы выявить и изобразить жизнь людей такими, какими на самом деле они являются в действительности.

Гораций стремится писать свои сатиры более изящным, непринужденным языком, близким к устной беседе образованного человека, но от острой политической насмешки, которая была свойственна Луцилию, поэт отказывается. Он концентрирует внимание на проблеме личного счастья, желая научить своих читателей жизненной мудрости. Опираясь на положения

эпикурейской и стоической философии, поэт выдвигает концепцию довольства малым, наслаждения скромными благами жизни и умственным трудом. Иначе говоря, в условиях зарождающейся империи это была своего рода «защитная философия», которая помогала Горацию сохранить внутреннюю независимости и свободу взглядов.

Отказавшись от актуальной политики и острых насмешек над высокопоставленными личностями, Гораций смягчает резкость луцилиевой критики, придавая своим насмешкам и поучениям общезначимый характер [Дуров 1987, 71].

Таким образом, сатиры Горация отличаются большой степенью обобщенности объекта, на который направленно осмеяние. Гораций делает акцент не столько на конкретном носителе порока, сколько на самом пороке.

В результате, его смех оказывается заметно тоньше, чем у Луцилия. Поэт избегает гротесковых, условных форм образности, предпочитая художественное жизнеподобие, разрабатывает более мягкие приемы, призванные не только высмеять, но и повеселить, позабавить читателя, доставить ему эстетическое удовольствие: иронию, забавную шутку, мнимую серьезность, остроумные сравнения, каламбур, литературные аллюзии.

Художественный принцип Горация, который он заявил в первой сатире, звучит как «смеясь говорить правду» (I, 1, 24), иначе говоря, через смех приводит к знанию. Сатира у Горация задумывалась как дружеский разговор между собой и читателем. Делалось это специально, чтобы сделать читателя более восприимчивым к критике. Воздерживаясь от прямых форм порицания, таким образом, щадя чувства читателя, Гораций приглашает к совместному обозрению недостатков и размышлению о природе людей, тем самым, оставляя за каждым право делать свои собственные выводы.

Также М. Л. Гаспаров указывает на то, что в сатирах Горация, в отличие от Луцилия, ведущей становится тема самосовершенствования: «Гораций отказывается от мысли исправлять нравы общества, и рисуемые им картины

общественных пороков должны служить ему лишь предостережением, чтобы самому не впасть в подобные пороки» [Гаспаров 1983, 461].

В эпоху кризиса римской республики, когда начали стираться грани социального неравенства, становится особенно заметно, как культура постепенно приобретает отчетливо выраженный демократический характер. Если раньше литература и культура находились в руках привилегированных кругов, которые всеми силами отстаивали свое исключительное право главенствовать в духовной жизни Рима, то теперь, с проникновением во все сферы общественной деятельности «новых людей» всаднического сословия, представителей торгово-денежного капитала, старая знать была вынуждена отказаться от некоторых своих аристократических притязаний, в частности, на руководящую роль в литературе. Образованные классы все больше склоняются к реалистическим формам искусства, правдиво изображающим повседневную жизнь и жизнь низших слоев общества.

Большим авторитетом в области этики пользовались стоики, которые учили, что высшее благо – добродетель, означающая «жить по природе». Добродетель достигается в практической жизни, но не тогда, когда человек пытается превзойти собственные пределы, а ведет себя согласно принципу «уместности», то есть в соответствии со своей индивидуальной природой, которая различна у разных людей, поэтому невозможно установить единую для всех норму. Добродетели и пороки могут проявляться в большей или меньшей степени и оценивать их следует только применительно к конкретным жизненным обстоятельствам. Одним из требований новой концепции стоицизма является политическая деятельность на благо всего общества. Добродетель стоицизма, приспособленного к римской действительности, перестает быть суровой и абстрактной и приобретает гуманное гражданское наполнение.

В первую книгу сатир, которая была издана, вероятно, в 36 г., входят десять стихотворений. Издал ее, как и все, что нам досталось от Горация, сам поэт. В первой книге сатир, тем не менее, встречаются некоторые резкости и

персональные насмешки в духе Луцилия, так как в эти годы Гораций, по-видимому, находился в некотором состоянии противоречия с окружающим миром.

Поставив цель проследить признаки общества потребления в современном понимании, обратимся к первой книге. В ней Гораций описывает такие пороки римского общества, как страсть к деньгам, накопления богатства, погоня за ложными благами, отсутствия меры в желаниях, искания чувственных удовольствий, расточительность – все это он берет из окружающей его римской действительности. В других сатирах больше обсуждаются различные моральные вопросы: вред честолюбия и невежества, глупость тщеславия, тщетность алчности, выдвигается требование снисходительности к недостаткам друга, прославляется скромный и умеренный образ жизни.

Открывающая сборник сатира поднимают тему «болезненной страсти» римского общества, когда общество переходит в болезненное состояние, об ориентации этого общества на чрезмерном потреблении. В ней Гораций задается вопросом, почему люди недовольны собою, и отвечает, что оттого, что не знают меры своим желаниям. Это чрезвычайно напоминает «бешенный эгоизм» потребления – одну из основных черт «общества потребления», как в Новое время, так и в античности. Поэт считает, что умеренность в желаниях есть вернейший путь к счастью:

«Что за причину тому, Меценат, что какую бы долю

Нам ни послала судьба, и какую бы ни выбрали сами,

Редкий доволен и всякий завидует доле другого?» [Гораций 1970, 204].

(1–3; пер. М. Дмитриева)

В связи с этим следует отметить ориентацию римского общества не только и не столько на удовлетворение естественных потребностей человека, сколько на абстрактный денежный результат. Дея экономическую деятельность на два вида, Аристотель писал про хрематистику, представляющее собой науку об обогащении, искусство накапливать деньги и

имущество, и другой случай – когда накопление богатства уже самоцель, сверхзадача, почти поклонение прибыли. Гораций в своей сатире поднимает данную проблему в римском обществе, он пишет о человеке, одержимым накопительством – «ты деньги в мире всему предпочел, попечений любви ты не стоишь!» (86–87). Такой человек, по мнению Горация, является врагом самому себе, поскольку отторгает окружающих.

В результате, поэт критикует погоню за ложными благами жизни, выступая против честолюбцев и скупцов, ограничивающих свои желания ради накопления богатства. Поэт утверждает, что нужна середина между скопидомством и расточительностью.

«Многие люди, однако ж, влекомые жадностью ложной,

Скажут: «Богатство не лишнее; нас по богатству ведь ценят!»

С этими что толковать! Пусть их алчность презренная мучит!» [Гораций 1970, 214–215]. (61–64; пер. М. Дмитриева)

Безудержное, расточительное потребление римского общества стало важной частью бытия и заняло прочное место в системе жизненных ценностей. Социологи считают, что чрезмерное потребление в раннем капитализме долгие десятилетия формировало бездуховное общество «расточительного потребления».

Дальше в сатире упоминается еще и владелец кабачка, жадно копящий деньги, чтобы безбедно прожить старость:

«Спишь на мешках ты своих, наваленных всюду, несчастный,

Их осужденный беречь как святыню; любишь ими

Точно картиной какой! – А знаешь ли деньгам ты цену?

Знаешь ли, деньги на что? – Чтоб купить овощей, или хлеба,

Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно.

Или приятно тебе, полумертвому в страхе, беречь их

Денно и ночью, боясь и воров, и пожара, и даже

Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали!

Нет! Я желал бы, чтоб благ таковых у меня было меньше!» [Гораций 1970, 215]. (1, 71–79; пер. М. Дмитриева)

Сатира написана в форме непринужденного разговора с читателем. Гораций обращается к аудитории с вопросами и восклицаниями, как бы приобщает их к своей умственной работе, учит делать логические выводы:

«Мера должна быть во всем, и всему наконец есть пределы,

Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!

Я возвращаюсь к тому же, чем начал; подобно скупому,

Редкий доволен судьбою, считая счастливецем другого!» [Гораций 1970, 216–216]. (1, 106–109; пер. М. Дмитриева)

В конце сатиры Гораций подводит итог своим размышлениям:

«Вот оттого-то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил

Счастливо век свой, и, кончив свой путь, выходил бы из жизни

Точно как гость благодарный, насытись, выходит из пира» [Гораций 1970, 215–216]. (1, 107–109; пер. М. Дмитриева)

Дальше в своих сатирах Гораций затрагивает ряд случаев, которые должны были служить для читателя примером. Так, например, в 6-й сатире¹ поэт рассказывает о себе, своем скромном происхождении и воспитании. Он не завидует знатности, богатству, власти. Высшим благом он считает, как раз-таки, свой неброский и независимый образ жизни. Гораций самодостаточен в малом, однако обладает внутренней свободой. Он никому ничем не обязан, и поэтому независим. Поэт много гуляет, любит природу, читает книги, сочиняет стихи. Он пишет:

«Жизнь подобную только проводят

Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких» [Гораций 1970, 235]. (128–129; пер. М. Дмитриева)

---

¹ Отметим, что первая книга представляет собой строго продуманную композицию. Она симметрично делится на две части по 5 сатир в каждой. Двухчастное деление книги и общее количество сатир, входящих в нее, – знак уважения к Вергилию: его «Буколики», опубликованные в 39 г.

Гораций рассказывает о том, как ему нравится бродить в задумчивости по портикам Рима, как без излишеств обедает, как использует не богатую посуду, но сделанную со вкусом. Одним словом, пример автора должен подтолкнуть читателей следовать тому же пути – вдали от расточительного и потребительского образа жизни.

«Под вечер часто и в форум – гадателей слушать; оттуда
Я к пирогу, к овощам и домой. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
Вместе с циатом стоят, простая солонка и чаша,
И рукомойник – посуды простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано встаю и на площадь, где Марсий кривляется бедный

В знак что он младшего Новия даже и видеть не может» [Гораций 1970, 235]. (1, 121–127; пер. М. Дмитриева)

Злая саркастическая усмешка, еще иногда заметная в сатирах первой книги заметно смягчается и сменяется добродушной, снисходительной улыбкой, оживляющей веселую приветливую беседу. Поэт, воздерживаясь от прямых форм порицания, приглашает читателей к совместному обозрению человеческих недостатков и размышлению о природе людей, оставляя за слушателями право делать собственные выводы.

Вторая книга сатир была издана около 31 г. и содержит в себе восемь стихотворений, в которых проявляется примирение Горация с действительностью: поэт занят скорее поиском гармонии между обществом и личностью. Эта эволюция в настроениях и взглядах поэта нашла отражение в форме и тоне сатир, в большей части которых теперь уже преобладает диалог между несколькими персонажами. Значительно больше места уделяется в них общим положениям стоико-кинической философии в ее популярном изложении. Почти исчезает персональная направленность, резко сокращается число имен собственных, таким образом, поэт предпочитает не задевать

личности. По сравнению с сатирами 1-й книги общий тон 2-й книги – более сдержанный, стиль – более искусный и зрелый.

Итак, второй сборник отличается от первого художественной зрелостью и широтой обобщения. Сама личность автора отходит на второй план. Также до этого в 1-й книге повествование велось от лица самого Горация, если не брать в расчет 8-ю сатиру, то во 2-й книге поэт чаще выступает в роли слушателя, который воспринимает речи других, поэтому только поддерживает разговор, давая возможность собеседнику наставлять и поучать себя. Таким образом, Гораций отдает теперь предпочтение диалогической форме, что позволяет различным действующим лицам самим выступать перед читателями.

Нельзя не отметить важный момент: когда Гораций писал 2-ю книгу, он был старше на восемь лет, следовательно, можно предположить, что приобрел жизненный опыт, а также сложился как личность и поэт. Теперь Горация чаще интересуют не конкретные отдельные личности, которые являются носителями порока, а их обобщенный образ. Тема самовоспитания выходит на передний план и становится чуть ли не самой главной в его поэзии. Более чем когда-либо далекий от мысли исправлять нравы общества, он занят преимущественно вопросами самосовершенствования. А возвращаясь к сатирам Луцилия, он обращает теперь свое внимание прежде всего на то, что сатира, как жанр, предоставляет широкие возможности для самовыражения.

Продолжая тему «довольствия малым», Гораций во 2-й сатире от имени старика Офелла говорит о скромности и умеренности в жизни – «Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну немногим!». Поэт рассказывает о мирном поселянине Офелле, у которого триумвиры отобрали землю:

«Верьте мне: мальчиком бывши еще, знавал я Офелла!

Нынче бедняк, и тогда он, при целом имени, не шире

Жил, чем теперь. На своем, для других отмежеванном поле

Он и доньше с детьми и со стадом живет, как наемщик» [Гораций 1970, 253]. (28–31, пер. М. Дмитриева)

Теперь Офелл арендует землю, но несмотря на это он трудится с тем же равнением, не ропщет, довольствуется малым, питается «простыми овощами и куском прокопченной свинины». Но если является гость, он спешит выставить на стол лучшее, что у него есть «в прочем, умеренный стол и стол скряги Офелл различает, ибо напрасно бежать от порока к пороку другому». Гораций рассуждает:

«Если желаешь ты славы, которая слуху тщеславных
Сладостней песен, то верь мне, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью! Вдобавок
Дядю рассердишь, соседи тебя возненавидят. Ты будешь
Смерти желать, но не на что будет купить и веревки!» [Гораций 1970,
255]. (94–98, пер. М. Дмитриева)

Именно поэтому в сатире звучит проповедь держаться во всем середины (ср. Ода 2, 10). Завершается она изображением мудреца, напоминающего философа-стоика с его неизменным призывом сохранять во всех жизненных испытаниях бодрость и с твердой душой встречать враждебные удары судьбы.

В 6-й сатире Гораций снова рассказывает о своей деревенской жизни в новом поместье, который был подарен Меценатом, противопоставляя ее жизни в городе – полной суеты, волнений и обязательств (17–39). Здесь стоит отметить, что ни один античный автор до этого не рассказал о себе так искренне и доверительно, как это делал в своих стихах Гораций. Он открыл самые сокровенные глубины своей души и показал самые разные стороны своей повседневной жизни, причем делая это с такой естественностью, добродушием и сердечностью, что читатель невольно начинает ощущать себя как бы доверенным лицом поэта.

«Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! – И лучше, и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,

Кроме того, чтоб все эти дары мне они сохранили» [Гораций 1970, 274].
(1–5; пер. М. Дмитриева)

Естественно, не стоит преувеличивать скромность Горация, например, благодаря его сатирам нам известно, что что в его сабинском поместье хватало хозяйства для восьми рабов и пяти арендаторов с семьями. Конечно, по римским меркам это считалось скромным хозяйством, и любой из знатных римлян, на самом деле, мог похвастаться гораздо большими именьями, но поэт был доволен своей скромной жизнью. Ему чужды как карьерные устремления городских жителей, так тщеславие тех, кто кичится свои богатством.

Гораций все чаще уединяется в этом поместье, а Меценат приглашал постоянно поэта в Рим. Поэт пишет: «Будь ты началом и этих стихов! – Живущего в Риме, рано там ты меня из дома к себе вызываешь». В конце этой сатиры читаем иллюстрирующую общий тезис басню: деревенская мышь угощала у себя городскую, а затем городская мышь роскошно угощала у себя деревенскую, но явились собаки, и деревенская мышь предпочитает безопасность комфорту.

В пятой сатире на помощь поэту приходит и мифология, давая возможности пользуясь известными образами, создавать меткие обобщающие зарисовки римского общества: в этой сатире иронически выведены знаменитый прорицатель Тиресий и Улисс (Одиссей). Тиресий поучает Одиссея, как вновь нажить состояние, разграбленное в его отсутствие женихами Пенелопы.

«Что я сказал, то скажу и опять! – Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С уды, как хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и снова готовься на промысл» [Гораций 1970, 271].
(24–27, пер. М. Дмитриева)

Продолжая тему накопления богатства, причем в этом случае путем обмана доверчивых стариков, поэт подходит очень близко к тому, что происходило и в обществе Нового времени. Так, например, традиционные

добродетели, такие как трудолюбие, мастерство, порядочность, честность и доброжелательность, перестали быть мерилom социальной ценности человека. Главная ценность – это деньги, и, как говорится, «человек стоит ровно столько, сколько у него на текущем счете». При этом мало кого волнует происхождение этих денег – заработаны они честно, получены путем мошенничества или просто украдены. Объем личного потребления стал основным критерием жизненного успеха, а объем произведенных и проданных товаров – основным показателем экономического процветания нации.

Сходную ситуацию видим в сюжете сатиры: Гораций переносит персонажей мифа в современной ему действительности. Тиресий советует Одиссею прибегнуть к методам нечистых на руку и изворотливых римских дельцов, льстящих богатым старикам и подделывающих завещания:

«Вот еще мой совет: когда стариком управляют
Или хитрая женщина или отпущенник, нужно
Быть заодно; ты хвали их ему, чтоб тебя расхвалили!
Будет полезно и то! Но верней овладеть головою:
Может быть, сдуру стихи он пишет плохие, старик-то?
Ты их хвали. Коль блудник он – не жди, чтоб просил: угождая
Мощному, сам ты вручи Пенелопу ему» [Гораций 1970, 272].

(71–77, пер. М. Дмитриева)

В 4-й сатире Горация поднимается тема роскоши и изобилия. Начиная с краткого диалога участников беседы (1–11), он переходит к описанию пира: закусок (12–30), в том числе яйца, капуста, курица, грибы, мед. После шли более изысканные кушанья (32–60), большая часть которых ценилась из-за определенного места происхождения: улитки лукринские, цирцейские устрицы, Тарентский водяной еж, Мизенский морской гребень, блюдо с умбрийским, плечи чреватой зайчихи – именно их ценили гурманы того времени! – жареные раки, африканские улитки и т.д. Между делом Катий достаточно подробно рассказывает о напитках и приготовлении соусов. А дальше переходит к описанию десерта: тибуртинские яблоки, венункульский

изюм, «анчоусы в чистеньких блюдцах ставить кругом, под белым перцем и серой солью». Несколько стихов посвящает теме соблюдения чистоты в помещении для пира (76–87), заканчивая тем самым монолог Катия:

«Пол разноцветный из камней, а грязною пальмой запачкан.
Ложа под пурпуром тирским; глядишь, а подушки нечисты.
Ты не забудь: чем меньше что стоит труда и издержек,
Тем справедливей осудят тебя; не так, как в предметах
Только богатым приличных одним и им лишь доступных!» [Гораций 1970, 269]. (83–87, пер. М. Дмитриева)

Это был богатый стол, подходящий под структуру стандартного меню из богатых обедов времен Марциала: «все возможная дичь (куропатки, горлицы, дрозды), заяц, устрицы, морская дорожка рыба и обязательно дикий кабан, которого ставили на стол целиком...» [Сергеенко 200, 130] – как было уже сказано выше, роскошь и искание чувственных удовольствий проявлялись в римском обществе во всем, в частности, в званых обедах и пирах. Для сравнения пищей бедняков и крестьян был хлеб, бобовые, овощи и фрукты.

В завершающей книгу 8-й сатире видим сходный сюжет: комедийный поэт Фунданий подробно описывает Горацию роскошный пир, который был устроен для Мецената и его друзей богатым выскочкой Назидиеном. «Жалкое чванство богатства!» (18) высмеивается наравне с дурным вкусом устроителя пира и его желанием похвастаться:

«Меж Номентана и Порция был сам хозяин, а Порций
Очень нас тем забавлял, что глотал пироги, не жевавши.
Номентан был нарочно затем, чтоб указывать пальцем,
Что проглядят; а толпа, то есть мы – все прочие гости,
Рыбу, и устриц, и птиц не совсем различала по вкусу.
Вкус их совсем был не тот, какой мы всегда в них находим,
Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами
Ромба и камбалы: я таких не отвеживал прежде!» [Гораций 1970, 283].
(23–30, пер. М. Дмитриева)

Описание еды предстает перед нами снова во всех деталях: вепрь луканийский, репа, редис и латук, сахарный корень и сельди, устрицы, птицы (журавль, дроздов, голубей), камбалы, яблоки, мурена и т.д. – очередное описание излишне богатого стола. Как в свое время в зрелом капитализме проявилась эта особенность «общества потребления» – его стремление к демонстративному потреблению, которое становится культурной нормой, так и Гораций в своей сатире поднимает тему «демонстративного потребления» в раннем капитализме с помощью описания пира Назидиена. Поэт раскрывает, не как скромно, просто и со вкусом Назидиен устроил пир для Мецената, а то, с каким большим демонстративным изобилием и роскошью он это сделал:

«Вепрь луканийский при южном, но легком, пойманный ветре:

Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали

Репа, редис и латук, все, что позыв к еде возбуждает:

Сахарный корень и сельди, с подливкой из винных подонков.

Только что снят был кабан, высока подпоясанный малый

Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер»

[Гораций 1970] (Пер. М. Дмитриева)

Как писал Теодор Моммзен «История Рима»: «Эта роскошь низводила все прекрасное и высокое на уровень простой декорации; наслаждения подыскивались с таким мелочным педантизмом, с таким надуманной вычурностью, что это вызывало отвращение у всякого человека, неиспорченной душой и телом» [Моммзен 1993, 178].

«Рыбу, и устриц, и птиц не совсем различала по вкусу.

Вкус их совсем был не тот, какой мы всегда в них находим,

Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами

Ромба и камбалы: я таких не отвеживал прежде!» [Гораций 1970, 283].

(27–30; пер. М. Дмитриева)

В своей работе «Теория праздного класса» Т. Веблен определяет демонстративное потребление как «использование потребления для

доказательства обладания богатством», потребление как «средство поддержания репутации» [Веблен 1984, 142].

«Следом за ним принесли журавля: на блюде глубоком
Рознят он был на куски и посыпан мукою и солью.
Подали потрохи белого гуся с начинкой из свежих
Фиг и плечики зайца; они превосходнее спинки.
Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков...» (86–91) [Гораций 1970, 284].

(86–91, пер. М. Дмитриева)

Таким образом, задача Горация как сатирика, по его собственному мнению, – это поучать и одновременно с этим развлекать читателя, например, в первой из сатир, посвященных литературной теме, Гораций говорит о себе следующее: «ubi quid datur oti inludo chartis» («когда есть свободное время, я развлекаюсь, слагая стихи для забавы» – 1, 138–139). Впоследствии он не раз оценивал свои стихи как шутка (*ludus*) и забавы (*ludicra*). Как считал Гораций, шутка выполняет не только воспитательную, но еще и развлекательную функцию в сатирах, доставляя читателям радостные эмоции.

Гораций, если сравнивать с предшественниками, более глубоко и тоньше оценивает возможности комического. Поэтому, комическое в его сатирах занимает более значительное место и выполняет более разнообразные функции. Также, согласно Горацию, комическое наравне с возвышенным, способно доставлять человеку эстетическое наслаждение. Поэт доводит до идеала технику смешного, тем самым, подняв ее на высокий профессиональный и интеллектуальный уровень. Смех как явление эстетическое – привилегия человека, в определенном смысле смех творит человека, способствует развитию в нем эстетического идеала. Главная заслуга Горация-сатирика в том и состоит, что он первый в римской литературе сознательно связал жанр сатиры с теорией смешного.

Гораций, без всякого сомнения, знал, какую благоприятную роль может сыграть общество остроумного собеседника, который взирает на жизнь с

улыбкой или смехом. Так, сущность горацевского смеха верно определил сатирик I в. н. э. Персии:

«Всяких пороков друзей касается Флакк хитроумный
Так, что смеются они, и резвится у самого сердца
Ловко умея народ поддевать и над ним насмехаться» (1, 116–117)

Ни один античный автор не рассказал о себе, как это сделал в своих стихах Гораций, открывший самые сокровенные глубины своей души, показавший самые разные стороны своей повседневной жизни. Поэт ничего о себе не скрывает. Он даже рабу позволяет прочесть себе наставление, из которого обнаруживается некоторая непоследовательность и даже нетерпимость Горация. Тем не менее это всегда уравновешенный дух, который довольствуется малым и стремится к уединенной жизни. Ему чужды провинциальная суетность и тщеславие тех, кто кичится своим богатством или благородным происхождением. Поэт доволен своей скромной жизнью и не стыдится того, что он сын вольноотпущенника.

Есть внутреннее единство между Горацием-человеком и Горацием-поэтом. Человек и поэт неразрывны, они слиты воедино в той гармонии, которая достигается внутренним чувством равновесия и меры и это, согласно Горацию, является самой сущностью поэзии. Поэт тщательно отделяет свои произведения, стараясь писать немного и постоянно размышлять над тем, что он пишет. Его художественные установки соответствуют его жизненным принципам. Довольство малым и стремление к уединенной жизни сочетаются у него с отказом от поэзии больших форм, от воспевания героических деяний и величия Октавиана.

Таким образом, позиция Горация как сатирика является исключительно созерцательно-философской. Он пишет о пороках «общества потребления» (недовольство малым, стремление к богатству как самоцель, демонстрация роскоши), но воспринимает их как человеческие слабости, несовершенство жизни, т.е. как то, с чем необходимо мириться, а кроме того он уверен, что это заслуживает снисхождения. Поднимая темы потребления, расточительства,

роскоши, богатства, накопительства, – поэт склонен смягчать отрицательные стороны римского общества. Взявшись за жанр сатиры, Гораций учитывал не только литературные вкусы современного ему римского общества, но также его духовные проблемы и интересы. В результате, он сделал сатиру тем жанром, который целиком соответствовал эстетическим запросам своего времени.

Глава 6. «Бичующая» сатира Ювенала

Последним из авторов жанра стихотворной сатиры является Децим Юний Ювенал, который родился между 50 и 60 гг. и умер после 127 г. Его наследие состоит из 16 сатир в 5-ти книгах. Деятельность сатирика Ювенал начал только после смерти императора Домициана (96 г. н. э.), в то время, когда установилась относительная свобода слова. Своей поэтической зрелости он достиг при императоре Траяне (98–117 гг. н. э.), а в дальнейшем продолжая писать сатиры в правление Адриана (117–138 гг. н. э.).

Таким образом, Ювенал является последним классиком римской гекзаметрической сатиры. Едва ли такие слова, как «сатира» и «сатирический» имели бы то значение, которые мы вкладываем в них сейчас, если бы Ювенал не стал писать в жанре сатиры. В истории европейской литературы Ювенал представляет собой символ поэта-обличителя, писавшего на темы деспотизма и нравственного разложения общества.

Как считает В.С. Дуров: «по всей видимости, Ювенал был захвачен общим энтузиазмом, вызванным смертью Домициана, когда в Риме установилась свобода слова и приходом к власти Траяна. Одушевленный ненавистью к свергнутому тирану, он создает ряд сатир в резкой, инвективной форме, принесших ему в веках славу беспощадного бичующего разоблачителя» [Дуров 1987, 114–115].

Это были сатиры из его первых трех книг, которые заметно отличаются от последующих, созданных поэтом уже в правление Адриана, которые, как правило, называют поздними. В результате, в сатирах двух последних книг уже нет той присущей поэту резкости критики и той силы негодования, которая была особенно характерна для первых девяти сатир, которые предстают перед читателем более живыми по интонации и богатству тем, а также по изобилию сатирических образов. В поздних произведениях Ювенал более склонен затрагивать проблемы общего характера, касающихся не столько людей какой-то определенной эпохи, сколько человеческой природы

вообще. Также именно в поздних сатирах сильнее всего чувствуется влияние риторики.

Первый этап творческой деятельности Ювенала (с 1 по 9 сатиры) характеризуется остротой тем, яростью и меткостью, а также пафосом негодования. Второй этап представляет собой переход поэта от «негодующей сатиры» к более сдержанным, в какой-то степени философским, творениям. Вследствие этого его сатиры начинают утрачивать «обличительный тон» и принимают характер декламации на моральные темы. Скорее всего, такое изменения тона в сатирах связано с правление Траяна и его приемников, во времена которых наступило относительное спокойствие. Следовательно, прежний патетический стиль во всех областях искусства утрачивает свою силу и уступает место спокойно созерцательности и беззлобному бытописательству.

Достоинно вниманию концепция В. С. Андерсона, которая раскрывает различия между ранними и поздними сатирами, основываясь на том, что образ «автора, как он рисуется в самих сатирах, не тождествен личности поэта, так как поэты-сатирики, подобно элегикам, обращались к технике *persona*, выбирая для себя то одну, то другую маску» [Дуров 1987, 115]. Как указывает Андерсон, Ювенал создал два отличительны образа сатира. Первый образ, представляет собой образ «негодующего сатирика» в ранних сатирах, а второй образ – это образ «сатирика в духе Демокрита»² в поздних сатирах.

Сатиры Ювенала раскрывают скудные данные об их авторе. Ювенал, в отличии от того же Горация, старательно избегает говорить о себе. И пускай его сатиры дают достаточно ясные представления о личности поэта, о его мыслях и устремления, но они почти не раскрывают нас о каких-то внешних обстоятельства его жизни. В результате, получается, что поэт наоборот стремится задвинуть свою фигуру в тень на столько, на сколько это было

---

² Речь скорее идет об образе «смеющегося философа», чем об историческом Демокрите.

возможным. И поэтому кажется, что Ювенал боялся ослабить своим присутствием впечатление разоблачительных сатир.

Знакомство с его творчеством позволяет говорить о вполне сложившейся жанровой традиции. Если говорить о содержании его сатир, то сам Ювенал заявляет в 1-й сатире: вся человеческая жизнь, все, что только делают люди, – это начинка для его книги (85–86).

В данной сатире Ювенал излагает свою поэтическую программу, объясняя свое решение писать в избранном им жанре тем, что в Риме «всякий порок до предела дошел». (149) По этой причине, поэт предоставляет выразительные картины из жизни современного ему Рима, погрязшего в многочисленных пороках. Ювенал объясняет свой выбор жанра, ссылаясь на Горация – «Это ли мне не считать везувиинской лампы достойным? Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?» (51) и Луцилия – «Только взмахнет как мечом обнаженным пылкий Луцилий, – сразу краснеет пред ним охладевший от преступления сердцем, и пот прошибет виновника тайных деяний: слезы отсюда и гнев». (165–67). В представлении поэта, сатира в современной ситуации – единственный жанр, в котором может писать честный человек:

Но почему я избрал состязанье на поприще, где уж
Правил конями великий питомец Аврунки – Луцилий,
Я объясню, коль досуг у вас есть и терпенье к резонам.
Трудно сатир не писать, когда женится евнух раскисший,
Мевия тускского вепря разит и копьём потрясает,
Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям тот, кто
Звонко мне – юноше – брил мою бороду, ставшую жесткой. (19–25, пер
В.С Недов)

В своих сатирах, Ювенал пишет о тяжелом положении клиентов³, жалкой жизни бедняков в шумной и роскошной столице. Бедный люд

---

³ Ювенал и сам мог быть клиентом – в этой роли он упоминается в эпиграмме Марциал (12, 9).

тесниться в высоких домах, которые сдавали за непомерные высокие цены, в зданиях, которые грозили в любую секунду рухнуть, похоронив под развалинами своих нищих обитателей. На узеньких улицах стоит вечный шум и грохот проезжающих телег, где часто возникают жестокие пожары, а ночью на любого прохожего может безнаказанно напасть грабитель.

Именно по этой причине Ювенал возвращается к утраченной своим близким предшественником, Персием, открытой актуальности и злободневности жанровой проблематики. Негодование поэта столь велико, что становится непосредственной причиной пробуждения творческого дара: «...как тут не писать? Кто настолько терпим к извращениям Рима?» [Ювенал 1994, 20]. Именно в первой сатире звучат слова, ставшие крылатыми: «Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем» [Ювенал 1994, 21].

Вместе с тем, Ювенал не повторяет жанровую модель предшественников. Он сосредоточил все свое внимание на страстном обличении моральной деградации современного римского общества. По этой причине, тип «негодующей» и «обличительной сатиры, созданный Ювеналом, по характеру и тону оказывается более близок к «воинствующей» сатире Луцилия, а по предмету обличения к «смеющейся» сатире Горация [Тронский 1988, 438].

В сатирах Ювенала насмешками осыпаются и разбогатевшие вольноотпущенники, и представители древних родов, «утопающие в пороках», ничем не прославившие своих предков. Поэт выступает за «доблесть духа», он против разнузданности нравов, безвкусной роскоши и жестокости правящих слоев римского общества. Хотя в отличие от Луцилия поэт избегает называть своих современников по именам, он все равно уделяет большое внимание скандальным происшествиям в жизни римской знати в его острой и злободневной сатире. Яркость и выразительность сатиры, страстный, негодующий тон, резкость и точность его зарисовок не раз привлекали к этим сатирам внимание поэтов Нового времени.

Ювенал мастерски демонстрирует жизнь простого человека, который вынужден жить впроголодь в шумной и большой столице в то время, когда богачи не видят границ в удовлетворении своих извращенных вкусов и прихотей, в их желании получать удовольствия и жить в роскоши. Поэт показывает читателям жизнь клиентов, вынужденных пресмыкаться перед своими патронами. Основной идеей таких сатир является яростный протест против власти денег. По мнению Ювенала, богатство и потребление роскоши в Риме – причина ужасных преступлений. Богатые угнетают бедных (та самая эксплуатация человека), и даже талант без денег – ничто, поэтому чтобы иметь возможность писать, а также выпускать в свет свои произведения, бедный поэт должен искать себе богатого покровителя.

Ювенал в своих сатирах повторяет на разный лад одни и те же нападки на современные ему нравы, при этом, естественно, оживляет их примерами из жизни. Именно поэтому все, что только делают люди, является «начинкой» в его книгах. Но все же за пределами его произведений остаются многие темы, которые были характерны для его предшественников. Это было сделано намеренно поэтом для того, чтобы сосредоточиться исключительно на разоблачении пороков потребительского римского общества.

Острие своей сатиры Ювенал обычно обращает не против настоящего, а против недавнего прошлого, например, времени правления Домициана или даже Нерона, оправдывая это доводами осторожности. Хотя люди, которых он называет, давно уже умерли, утверждает он, пороки, которые он бичует, являются пороками всех времен. Именно поэтому предшественники Ювенала нередко объясняли свое обращение к сатире внутренней склонностью к этому жанру, который они предпочитали другим, в то время как сам Ювенал заявлял, что писать сатиры его вынуждает всеобщее разложение нравов.

В сатирах Ювенала больше чувства, чем рациональности. Он не только не стремится сдерживать и смирять свой гнев, а, наоборот, считает, что именно негодование является той самой эмоцией, которой поэт-сатирик должен руководствоваться и на которую должен опираться в первую очередь.

«Образование Ювенала, опыт декламатора и вкусы его эпохи, несомненно, оказали на его сатиры самое существенное влияние. Они же в конечном итоге и определили некоторые его слабости. Например, Ювеналу порой недостает уравновешенности и отстраненности. Поэт целиком погружается в свой материал и захвачен им настолько, что ему можно вменить в вину чрезмерную субъективность и излишнюю страстность» [Дуров 1987, 123].

Нарушение соразмерности является одной из причин впечатления монотонности, которое возникает при долгом чтении сатир Ювенала. Несмотря на то, что поэт стремится к разнообразию в своих сатирах, тем не менее оно в значительной степени теряется под мрачными красками, которыми он злоупотребляет почти повсюду.

Таким образом, упорядоченный стиль не является основной заботой сатирика. Поэт ставит перед собой совершенно другую задачу – создать у слушателей иллюзию экспромта, иллюзию импульсивной, ничем не сдерживаемой импровизации, внезапно возникшей под влиянием гнева и возмущения. Отсюда у Ювенала наблюдается эта выставляемая напоказ мнимая небрежность, которая иногда даже создает впечатление неестественности.

3-я сатира написана от лица Умбриция, который является старинным другом Ювенала. Он прощается с жизнью в столице, ставшей по разным причинам небезопасной для порядочного человека. По этой причине, поэт пишет:

«Правда, я огорчен отъездом старинного друга,
Но одобряю решение его – поселиться в пустынных
Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле.
Кумы – преддверие Бай, побережье достойное сладкой
Уединенности: я предпочту хоть Прохиту – Субуре.
Как бы ни были жалки места и заброшены видом, –
Хуже мне кажется страх перед пожарами, перед развалом
Частым домов, пред другими несчастьями жуткого Рима,

Вплоть до пиит, что читают стихи даже в августе знойном.» (1–9, пер. В.С. Недев)

В Рим царит дух наживы и продажности, которые по словам автора стали важной частью римской действительности:

«Здесь Умбриций сказал: «Уж раз не находится места

В Риме для честных ремёсл и труд не приносит дохода,

Если имущество нынче не то, что вчера, а назавтра

Меньше станет еще, то лучше будет уйти нам» (21–24, пер. В.С. Недев)

Особенно худо приходится беднякам, их жизнь превратилась в бесконечную вереницу страданий и унижений, что особенно заметно на контрасте с сатирами Горация (II, 4 и 8), где описывается праздный образ жизни богачей в роскоши и изобилии, в преизбытке яств на столе и домашней утвари:

«Что ж, когда этот бедняк действительно служит предлогом

К шуткам для всех? Накидка его и худа и дырява,

Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,

Много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров,

С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...» (140–151, пер. В.С. Недев)

В 10-й сатире Ювенал, точно также, как и в свое время Гораций, обращается к теме богатства и накопительства. Поэт пишет: «Душат богатства людей, когда с чрезмерной заботой их накопили, и ценз, что имущество все превосходит» (12–13) и «где есть первее желанье, чем то, что известно все храмам, то есть желанье богатств, – чтобы средства росли, чтоб полнее был бы на рынке сундук». Вспомним слова Эриха Фромма: «Общество, движущими силами которого являются стяжательство, прибыль и собственничество, порождает личность, ориентированную на обладании» (23–25). Таким образом, обладание с одной стороны, ослабляет чувство тревоги и беспокойства, а с другой стороны вынуждает все больше приобретать, так как приобретенное до этого быстро перестает приносить удовольствие.

Маркс пишет: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, то есть когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., – одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство» [Маркс 1981, 120].

Дальше понимается тема зрелищ как «оболванивания масс». Крылатое выражение «Хлеба и зрелищ!» использовалось для описания политики государственных деятелей, которые захватывали и удерживали власть в древнем Риме, подкупая простой люд раздачами денег и продуктов, а также цирковыми представлениями и гладиаторскими боями. Интересно, что эта фраза встречается в истории падения фаворита Тиберия Сеяна, т.е. отнесена к 31 г. н.э.:

«На Капитолий веди как жертву: там тащат Сеяна
Крючьями труп напоказ. Все довольны. «Вот губы, вот рожа!
Ну и Сеян! Никогда, если сколько-нибудь мне поверишь,
Я не любил его. Но от какого он пал преступленья?
Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель?» —
«Вовсе не то: большое письмо пришло из Капреи,
Важное». — «Так, понимаю, все ясно. Но что же творится
С этой толпой? .....» (67–73, пер. Ф.А Петровский)

Поэт отвечает:

«Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки,
Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает:

Хлеба и зрелищ⁴!» ...» (77–79, пер. Ф. А Перовский)

Ж. Бодрийяр писал: «Человек массы – идеальный объект для манипуляции сознанием. Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспринимает все, что кажется впечатляющим и зрелищным. Массы не принимают лишь «диалектику» смысла» [Бодрийяр 2006, 14–15]. Стоит отметить, что, хотя описание социолога относится к обществу потребления в XX в., оно идеально подходит и к потребительскому римскому обществу.

Телевидение позволяет «обществу потребления» утолять «информационный голод». Эффект телевидения как инструмента манипуляции заключается в феномене иллюзии соучастия и сопричастности, оно выталкивает индивида из реального мира в идеальную «виртуальную» реальность, которая наполнена яркими красками, которых не хватает человеку в повседневной жизни. Если римское общество ходило на форумы и арены, то современному массовому человеку стало достаточно дойти до пульта и включить телевизор.

«Общество потребления» в XX в. впервые воспитывалось под влиянием средств массовой информации, которым являлась телевидение и «глянцева» пресса. «Зритель не должен иметь никакой потребности в собственной мысли: любая из возможных реакций является предусмотренной самим продуктом, предусмотренной не его содержательным контекстом, но системой сигналов» [Хоркхаймер 1997, 171]. Появилась индустрия развлечения и досуга, которая традиционно содержала в себе киноиндустрию, шоу-программы, спортивные и развлекательные мероприятия, музыкальные фестивали, культурно-развлекательные центры, дискотеки, ночные клубы, а также интернет, телевидение и другие каналы распространения информации. Отражая новую «реальность», телевидение выработало новые формы манипуляции, которые помогают реализовать досуговую функцию. Таким образом, в XX в. появились

---

⁴ В латинском языке более точное обозначение – *circenses*, т.е. зрелища в *Circus*, по большей части это были скачки.

новые формы манипулирования массой, тогда как содержание таких манипуляций, которые сформировались еще в римское время, осталось прежним.

10-ю сатиру исследователи рассматривают как программную для поздних сатир так же, как 1-ю – для ранних. Если в 1-й сатире Ювенал изображает себя стоящим в Риме в центре шумного и оживленного перекрестка: «Разве не хочется груды страниц на самом перекрестке / Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят на шее...» (63–64) и как бы ведущим свой сатирический репортаж с места событий, не называя, правда, имен своих «героев», то в 10-й сатире он больше напоминает кабинетного ученого, проводящего время в поисках нравоучительных сентенций и примеров к ним из сочинений Цицерона, Валерия Максима, Сенеки и подобных им, не дошедших до нас (Helmbold... цит. по: Дуров, 117).

Сатирик, обращаясь к примерам из истории и мифологии, показывает непрочность и пагубность от желания людьми таких благ, как власть, богатство, военная слава, красота, красноречие. Ювенал также обращается к ярким и живым сценам из истории ранней римской империи. Для того, что изобразить неразумность человеческого стремления к власти, поэт, например, берет уже упоминавшуюся историю падения Сеяна.

11-я сатира – это приглашение в деревню на скромный обед, адресованное городскому другу Персику. Ювенал показывает пленительные картины спокойной и честной жизни в деревне, которая резко контрастирует с суматошной и беспокойной, полной забот жизнью в столице. Интересные «иллюстрации» от Ювенала на темы обыденной жизни римского общества предстают перед читателем: «Дальше, не мало таких, кого часто у самого входа к рынку мясному ждет кредитор, обманутый ими: в жизни одна у них цель – набивать себе глотку и брюхо» (9–11) или «Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях: прихотям их никогда не послужат препятствием цены; правду сказать, им приятнее то, что стоит дороже». (14–16)

«Мне говорить в огромной толпе, в толпе чрезмерной,

Я бы сказал, что цирк вместил всю столицу сегодня;
Крик оглушитель: я узнаю о победе «зеленых».
Если бы не было игр, ты увидел бы Рим наш печальным
И потрясенным, как в дни поражения консулов в Каннах» (196–200, пер.
Ф.А. Петровский)

Он также дает практические, но не лишённые иронии, советы: «Меру свою надо знать наблюдательным быть и в великом деле, и в малом, и даже когда покупаешь ты рыбу» (35–36) или «Надо бояться не ранней могилы, не горькой кончины, нет: страшнее, чем смерть, для роскоши – нищая старость» (44–45).

Приглашение на обед – лишь повод для резкой инвективы против упадочнической роскоши, особенно проявившейся в пышной изысканности пиров. Описание еды – «блюда у нас каковы, не с рынка мясного, послушай»: жирнейший козленок, горная (т.е. надо полагать, дикая) спаржа, яйца и куры, виноград, груши и яблоки. Перечисляя все это, автор добавляет: «Некогда это считалось роскошным обедом у наших первых сенаторов» (77–78). Критика пиршественной роскоши перерастает у Ювенала в критику римского общества в целом:

«Только теперь богачам удовольствия нет от обеда
Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы
Будто воняют для них, если стол их широкий не держит
Крепко слоновая кость с разинувшим пасть леопардом» (120–124, пер.
Ф.А. Петровский)

Ювенал продолжает: «Аппетит возрастает, сила желудка растёт, ибо стол на серебряных ножках беден для них, как кольцо из железа». (128–128)

С некой ностальгией предаётся Ювенал воспоминаниям о прошедших временах: «Кашу тогда подавали в горшке этрусской работы, ну, а что есть серебра, – на одном лишь оружьи блестело. Все было в те времена, о чем позавидовать можно...» (108–110).

Ювенал на окружающую его действительность смотрит с пессимизмом. Поэт видит лишь зло, по крайней мере, это заметно в его ранних сатирах, и также уверен, что оно произрастает из самой природы, и поэтому он не верит в способность оздоровления людей. Это – мир, который долгу, чести, порядочности предпочитает одни лишь деньги, причем совершенно неважно, каким способом приобретенные. Ювенал в своих сатирах само недовольство. В них поэт изображает отгружающий ему мир таким, каким он его воспринимает и видит, – развращенным и развращающим. В результате Ювенал в своей глубокой озлобленности доходит до фанатизма. Личная разочарованность и озлобленность на окружающую его действительность делают его инвективу особенно грубой и безжалостной.

Острие в своих сатирах Ювенал все-таки направляет больше не против настоящего времени, а против недавнего прошло, в те времена, когда правил Домициан или даже Нерон. Ювенал оправдывает такое решение доводами осторожности, хотя, естественно, это не обеспечивало ему никаких гарантий того, что он сможет избежать вражды и мести, поскольку слишком близки те время, которые он затрагивал в своих сатирах. В результате, такой рода камуфляж в большой степени является риторической уловкой поэта, чтобы еще больше увеличить и усилить чувство отвращения и неприятия, которые Ювенал вызывал своими картинами изображаемого им порока. В итоге, люди, которых он описывает, хоть и принадлежат к прошлому, пороки, которые он изобличает и бичуют, являются пороками, которые присуще всем временам. Например, страсть к стяжательству и могуществу денег, тяга к получению чувственных наслаждений и роскоши. Таким образом, юмор в сатирах Ювенала предстает перед читателем совершенно мрачный и зловещий, полностью соответствующий его решимости обличать пороки.

В конечном счете, язвительная и колкая сатира Ювенала не имеет ни насмешливой улыбки, ни той добродушной шутки и психологического проникновения, которая была присуща Горацию в его сатирах. Настоящее не содержит в себе ничего хорошего, в итоге, и будущее не сулит никакой

надежды на лучшее. Поэт считает, что нет никакой обнадеживающей идеи, в которую можно было бы верить и на которую можно бы было рассчитывать. В конечном счете, «остается лишь сожалеть о прошлом, а также и о былом образе жизни, о древних установлениях, от которых теперь не осталось и следа. Горюя о безвозвратно ушедших временах, поэт не видит выхода из сложившегося положения, которое ему представляется прямо-таки катастрофическим» [Дуров 1987, 120]:

«Нечего будет прибавить потомству к таким нравам

Нашим: такие дела и желанья у внуков пребудут.

Всякий порок до предела дошел» (1, 147–149)

Позиция Ювенала как сатирика представляет собой позицию жестокого и яростного обличителя. Нападки на разбогатевших выскочек и защита угнетенных рабов не исходят из убежденности в необходимости социального переустройства. Негодование у поэта вызывает противоречия между тем, что, по его мнению, действительно должно быть, и реальным положением дел.

Ювенал на своих читателей хочет произвести впечатление человека, целиком захваченного моральными и нравственными проблемами. И, действительно, многие исследователи на самом деле видят в нем серьезного этического проповедника, считая, что он, таким образом, дает в своих сатирах цельную этическую систему.

«После долгих занятий декламациями Ювенал создает свой особый стиль стихотворной сатиры – обобщенно-безличный, драматически напряженный, величественно-высокопарный, патетический, который является адекватным отражением эпохи с ее резким контрастом реальности и идеала» [Дуров 1987, 125]. Ювенал ставит перед собой исключительно сложную задачу – создать у слушателей сатир иллюзию неожиданности, порывистости, импровизации, которая бы воспринималась читателем, как возникшая под влиянием определенного чувства гнева или возмущения, а также негодования.

Ювенал открыто пишет о том, что его ведущим принципом является негодование – *indignatio*. Негодование и проистекающее отсюда напряжение

не исчерпываются только особенностями стиля, а заключают в себе особый способ восприятия жизни и людей, присущий сатирику.

Мрачный пессимизм поэта уходит на второй план, он более смягчается в последних сатирах. Так, например, Ювенал наряду с пороками и злом, готов видеть и более светлые стороны жизни и окружающей его действительности: поэт наслаждается простой и скромной жизнью в деревне, радуется по случаю благополучного возвращения друга из опасного путешествия, верит, что никакое преступление не остается безнаказанным, прославляет справедливость богов, их заботу о людях и даже дает ряд практических советов.

Ко всему прочему, Ювенал часто возвращается мыслями к прошлому римского народа, идеализируя ее патриархальную старину. Но глубоко прочувствованного восхищения древней простотой, естественно, недостаточно, чтобы решить общественные проблемы, затронутые поэтом. Оно скорее выполняет роль фона, некоего заднего плана, предназначенного для того, чтобы еще резче оттенить убожество современной римской жизни.

Часть исследователей считают, что Ювенал в своих сатирах следовал разговорному языку (*sermo cotidianus*). Хотя представляется более вероятным, что Ювенал отказался от концепции Горация о создании языка, близкого к разговорному. Он чаще использует возможности, предоставленные ему риторикой. В сатирах Ювенал не использует обилие прилагательных, как можно было бы ожидать. Обычно поэту в полной мере хватает существительного и глагола, чтобы создать образ, а также достаточно натуралистично описать действие или какую-то ситуацию. Ювенал представляется прекрасным бытописателем, а также большим мастером в создании реалистических сцен в своих сатирах.

Поэт старается найти самый точный и отличительный штрих для создания образов, которые у него, в большинстве случаев, исключительно конкретны, реальны и жизненны. Эта исключительная манера изображения окружающей его действительности можно определить как ювеналовский

реализм. Даже если эта самая реалистичность и не является отражением настоящей действительной жизни, сила поэтического дарования Ювенала такова, что начинает создаваться впечатление удивительной правдивости и достоверности, что, на самом деле, нечасто можно встретить в произведениях римской литературы.

Для достижения правдивости Ювенал использует разнообразные художественные средства: от ухищрений риторики до употребления банальной фразеологии и грубой, часто непристойной лексики. Хотя и такая внешняя реалистичность не представляется действительным отражением жизни, сила поэтического таланта поэта такова, что возникает некая иллюзия необыкновенной жизненности. Чувство негодования суживает, но вместе с тем и заостряет взгляд поэта. Когда Ювенал утверждает, что «начинкой его книжки» являются «желания, страх, гнев, наслаждение, радости, интриги», то, в результате, уже этим перечислением, неким нагромождением слов, без ощущения их логической связи, поэт пытается передать впечатление беспорядочности или даже хаотичности, которая царил в римском обществе.

Таким образом, становится реальным смещение сатиры в сторону жанров «высокого», декламационного звучания⁵. Также, например, сатирам Ювенала присуща афористичность: многие из его фраз стали крылатыми и живы по сей день. Из них можно выделить такие, как: «здоровый дух в здоровом теле», «хлеба и зрелищ» и т.д. Творчески используя и обогащая традицию жанра, Ювенал создает еще одну его модификацию, позволяющую по-новому взглянуть на жанровые возможности сатиры.

Главной заслугой Ювенала как сатирика, бесспорно, является то, что он, придав сатире характер резкой инвективы, тем самым навсегда закрепил за ней обличительное содержание. В итоге, ни один из римских сатириков, даже Гораций, не оказал на сатирическую литературу Европы такого влияния, как

---

⁵ О риторичности Ювенала см.: Kenney E. J. "Juvenal: satirist or rhetorician?" // *Latomus* 22 (1963). P. 704-720.

Ювенал, имя которого стало нарицательным для обозначения сатирика как такового.

Заключение

Таким образом мы убедились, что «общество потребления», возникшее в результате капитализма в начале XIX – середине XX вв. в Новое время, несомненно имеет общие черты с обществом Древнего Рима и дает нам право назвать римское общество – «обществом потребления». Рассмотренные

произведения показывают, что ориентация человека на потребление и получение удовольствия в Древнем Риме представляло собой важную часть устройства общества. Это было не разумное потребление для удовлетворения самых базовых потребностей, а потребление, которое ориентировалось на роскошь, искания чувственных удовольствий, направленное на обогащение и показное расточительство. Все это было связано с умственной и моральной деградация римской элиты – по причине ее праздного существования, поскольку та прибыль и капитал, которые получала элита, шли на потребление и наслаждение. По причине сложившейся ситуации в древнеримском обществе появилась и активно развивалась сатира.

Поэтому, сатира, рожденная специфической культурной и общественной ситуацией, представляла собой жанр, который позволял поэту в непринужденной или обличительной форме поговорить на самые разные актуальные темы. Широта содержания, первоначально запланированная как стилевая отличительная черта этого жанра, как позволила показать творческую индивидуальность автора, так и гибко реагировать на специфику социальной ситуации.

«Смеющаяся» сатира Горация и «обличающая» сатира Ювенала смогли показать то, как внутри одного жанра можно по-разному раскрывать проблему. «Общество потребления» со своими отличительными чертами – страстью к деньгам, накоплением богатств, погоней за ложными благами, отсутствием меры в желаниях, исканиями чувственных удовольствий и расточительностью – активно раскрывалось в сатирах данных поэтов.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Римский этап античной литературы / С.С. Аверинцев // Поэтика древнеримской литературы. – М.: Наука, 1989. – 522 с.
2. Алешина, И.В. Поведение потребителей: учебное пособие для вузов / И.В. Алешина. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 384 с.
3. Альбрехт М. История римской литературы: 2 т. / пер. с нем. А. И. Любжина. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004. – 704 с.
4. Анпеткова-Шарова Г.Г. Античная литература / Г.Г. Анпеткова-Шарова, Е.И. Чекалова. – Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1980. – 223 с.
5. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура») / А.В. Ахутин. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
6. Ашин, Г.К. Доктрина «массового общества» / Г.К. Ашин. – М.: Политиздат, 1971. – 191 с
7. Ашин, Г.К. Миф об элите и «массовом обществе» / Г.К. Ашин. –М.: Международные отношения, 1966. – 160 с.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
9. Белл, Д. Массовая культура и современное общество / Д. Белл. – М.: «Америка», 1965. – 275 с.
10. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – Москва: Республика: Культурная революция, 2006. – 268 с.
11. Бокщанин А.Г. Социальный кризис Римской империи в I веке н. э. / А.Г. Бокщанин. – М.: Издательство Московского Университета, 1954. – 239 с.
12. Большая советская энциклопедия. Том 1–66 / Глав. ред. О.Ю. Шмидт, Т. 16. – М.: Большая сов. энциклопедия, 1929. – 864 с.
13. Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 376 с.

14. Брандес М.П. Стиль и перевод / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1988. –127 с
15. Брокатов А.М. Античная литература. – М.: Знание, 2014. – 162 с.
16. Веблен, Т.Б. Теория праздного класса: пер. с англ. С. Г. Сорокиной. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
17. Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян.: в 2-х т. / В. Вегнер. – Мн.: Харвест, 2002. – 267 с.
18. Веллей П. Римская история Текст. / Пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой // Немировский А.И. Веллей Патеркул и его время. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 211 с.
19. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. – М.: Высшая школа, 1988. – 496 с.
20. Виппер, Р.Ю. История древнего мира Текст. / Р.Ю. Виппер. Ист. средн. веков. – М.: Республика, 1994. – 328 с.
21. Гаспаров М.Л. История всемирной литературы. Т. 1. – М.: Наука 1983. – 461 с.
22. Гаспаров М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – 480 с.
23. Гаспаров М.Л. Политический смысл литературных сатир Горация // № 2. – М.: Вестник древней истории. 1960. – 111 с.
24. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: Т.1. – М.: Искусство, 1969. – 330 с.
25. Герасимов, Г. Общество потребления: мифы и реальность / Г. Герасимов. – М.: Знание, 1984. – 232 с
26. Герье, В.И. История римского народа Текст. / В. И. Герье – М.: Акт, 2002. – 348 с.
27. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / Э. Гиббон. – М.: Прогресс, Культура, 1994. – 257 с.
28. Голубцова Е.С. Культура Древнего Рима. В 2 тт. Т. II – М.: Наука, 1985. – 429 с.

29. Грант М. История Древнего Рима / М. Грант. – М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2003. – 464 с.
30. Гречишников С.Е. Магия как социокультурный феномен / С.Е. Гречишников. – Калуга: ГУП «Облиздат», 1999. – 149 с.
31. Грушин, Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
32. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: ИНИОН, 1990. – 107 с.
33. Дуров В.С. Римская поэзия эпохи Августа / В.С. Дуров. – СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 1997. – 228 с.
34. Дуров В. С. Жанр сатиры в римской литературе / В. С. Дуров; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 157 с.
35. Зомбарт, В. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. Исследования по истории развития современного капитализма. Роскошь и капитализм. Война и капитализм. – СПб: Благо, 2008. – 478 с.
36. Иванов В.Г. История этики Древнего мира / В.Г. Иванов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 224 с.
37. Ильин, В. Поведение потребителей: учебное пособие / В. Ильин. – СПб: Питер, 2000. – 224 с.
38. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
39. Катасонов В. Ю. От рабства к рабству. Древний Рим и современный капитализм – М.: Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018. – 432 с.
40. Каутский К. Происхождение христианства. – М.: Политиздат, 1990. – 462 с.
41. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Квинт Гораций Флакк. – М.: Художественная литература, 1970. – 479 с.
42. Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. – СПб, Биографический институт, Студия биографика, 1993. – 446 с.

43. Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
44. Козырев, А.А. Мотивация потребителей / А.А. Козырев. – СПбг: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 384с.
45. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константин / К. Крист. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 574 с.
46. Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. – 269 с.
47. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон / Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. – М.: АСТ, 2016. – 319 с.
48. Ложкова А.В. «Римская стихотворная сатира: становление жанра» // Название журнала. – Екатеринбург: ГСНТИ, 2014. – 7 с.
49. Лосев А.Ф. Античная литература / А.Ф. Лосев. – М.: ЧеРо, 2005. – 541 с.
50. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М., ЧеРо, 2005. – 186 с.
51. Мальчукова Т.Г. Античное наследие и современная литература / Т.Г. Мальчукова. – Петрозаводск: Изд-во Петр.ГУ, 1988. – 63 с.
52. Манхейм, К. Человек и общество в век преобразования / К. Манхейм. – М.: ИНИОН, 1991. – 219 с.
53. Маркс К. Экономико-философский рукописей. Сот. Т. 42 – М.: Прогресс, 1981. – 216 с.;
54. Марченко, Т.А. Потребность как социальное явление / Т.А. Марченко. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
55. Милехина Е.В. История государства и права зарубежных стран. – М.: Наука, 2013. – 345 с.
56. Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен; Подгот. текста и примеч. Ф. М. Лурье. – СПб.: Лениз-дат, 1993. – 268 с.

57. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996. – 478 с.
58. Мялкин, А. В. Способности и потребности личности: диалектика формирования / А.В. Мялкин. – М.: Мысль, 1983. – 260с
59. Нагуевский Д.И Критические замечания к третьей сатире Ювенала. – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1886 – 34 с.
60. Нагуевский Д.И Римская сатира и Ювенал. – Митава: 1879 – 464 с.
61. Нагуевский Д.И. Характер и развитие римской сатиры. – Рига: 1872. – 23 с.
62. Овсянников, А.А. Типология потребительского потребления / А.А. Овсянников, И.И. Петтай, Н.М. Римашевская. – М.: Наука, 1988. – 239 с.
63. Олсуфьев А.В. Ювенал в переводе г. Фета / А.В. Олсуфьев. – СПб., 1886. – 132 с.
64. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сборник / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 509 с.
65. Покровский М.М. История римской литературы. – М. Л.: Изд-во АН СССР, 1942. – 410 с.
66. Преображенский П.Ф. В мире античных идей и образов. – М.: Наука, 1965. – 394 с
67. Проблема человека в западной философии: Сб. пер. с англ., нем., фр. / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 544 с.
68. Римская сатира: Пер. с латин./ Сост. и науч. подгот. текста М. Гаспарова; Предисл. В. Дурова; Комментар. А. Гаврилова, М. Гаспарова, И. Ковалевой и др.; Худож. Н. Егоров. – М.: Худож. лит., 1989. – 543 с
69. Сергеев В.С. История Древнего Рима / В.С. Сергеев. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 240 с.
70. Сергеенко, М.Е. Жизнь в древнем Риме Текст. / М.Е. Сергеенко. – СПб.: «Летний сад»; Журнал «Нева», 2000. – 366 с.

71. Спири́н, В. М. Теория потребностей / В.М Спири́н. – Тверь: Риф, 1994. – 244 с.
72. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высш. школа, 1988. – 464 с.
73. Трофимов А.А. Писатели Древней Греции. – М.: Просвещение, 2004. – 266 с.
74. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1969. – 234 с.
75. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской Республики / С.Л. Утченко. – М.: «Наука», 1965. – 288 с.
76. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм / Пер. с англ. А. Лактионова. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.
77. Фромм, Э. Здорово общество / Э. Фромм / Пер. с англ. Т. Банкетовой. – М.: Издательство АСТ: Астрель, 2019. – 528 с.
78. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм / Пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 320 с.
79. Хейзинга И. Homo ludens: Человек играющий / И. Хейзинга. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 350 с.
80. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. – Спб: Ювента, 1997. – 312 с
81. Хоружий, Г.Ф. Человек: потребности, потребление, потребительство / Г.Ф. Хоружий. – Киев: Молодь, 1985. – 159 с.
82. Ш.Тахо-Годи А.А. Античность в контексте современности / А.А. Тахо-годи. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 250 с.
83. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Б.и, 1957. – 28 с.
84. Ювенал. Сатиры. / Перевод; худож. П. П. Лосев. – СПб.: Алетейя: ТОО «Магик-пресс», 1994. – 220 с.